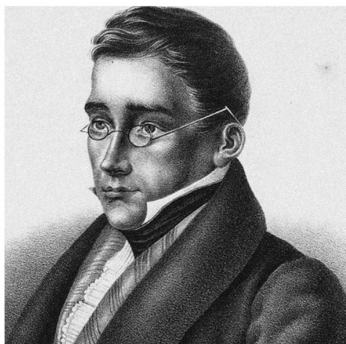
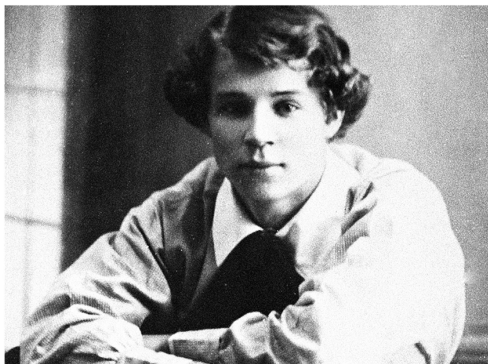

АДРЕСНАЯ КНИГА
ПИСАТЕЛЕЙ ОТ
ДЕРЖАВИНА ДО
БРОДСКОГО, ИЛИ
АЛФАВИТ 300
ЗДАНИЙ СТОЛИЦЫ

Вячеслав Недошивин
**ЛИТЕРАТУРНАЯ
МОСКВА**

Дома и судьбы, события и тайны

Вячеслав Михайлович Недошивин

Литературная Москва. Дома и судьбы, события и тайны

Серия «Проза Вячеслава Недошивина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65912550

*Литературная Москва. Дома и судьбы, события и тайны/ Вячеслав
Недошивин: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-119691-2*

Аннотация

Книга Вячеслава Недошивина – писателя, литературоведа и кинодокументалиста – это блестящая попытка совместить, казалось бы, несвязуемое: историю великой русской литературы за четыре последних века и – сохранившийся по сей день в дворцах, доходных домах, дворовых флигелях и чердаках старой Москвы «живой дух» ее.

В книге 320 московских адресов поэтов, писателей, критиков и просто «чернорабочих русской словесности» и ровно столько же рассказов автора о тех, кто жил по этим адресам. Каменная летопись книг, «география» поэзии и прозы и в то же время – захватывающие рассказы о том, как создавались в этих домах великие произведения, как авторам их спорилось, влюблялось и разводилось, стрелялось на дуэлях и писалось в

предсмертных записках, истории о том, как они праздновали в этих сохранившихся домах творческие победы и встречали порой гонения, аресты, ссылки и расстрелы. Памятные события, литературные посиделки и журфиксы, сохранившиеся артефакты и упоминания прообразов и прототипов героев книг, тайны, ставшие явью и явь, до сих пор хранящая флёр тайны – всё это «от кирпичика до буквы» описано автором на документальной основе: на сохранившихся письмах, дневниках, мемуарах и последних изысканиях учёных.

Книга, этот необычный путеводитель по Москве, рассчитана как на поклонников и знатоков литературы, так и на специалистов – литературоведов, историков и москвоведов.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

А	14
Б	147
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Вячеслав Недошивин

Литературная Москва.

Дома и судьбы, события и тайны

*Мудрый познает жизнь не выходя со своего двора,
а дуракам надо путешествовать.
Старая китайская пословица*

*К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр, как на смерть осужденный,
Своей рукой — пишу...
Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру...
Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей...*

*Марина Цветаева,
август 1919*

Благодарим Государственный литературный музей за предоставленные изображения и помощь в подготовке книги.

Фотоматериалы предоставлены ФГУП МИА "Россия сегодня", ФГУП ИТАР-ТАСС (Агентством "Фото ИТАР-ТАСС"), Shutterstock/FOTODOM, ООО «Фотобанк Лори»

© Вячеслав Недошивин, текст, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

История домов, по счастью, длиннее человеческой жизни. А иногда длиннее жизни и десятков людей. Удивительно ведь! И кого из нас не поражала эта наследственная цепочка, родовая пуповина, связывающая историю и современность, этот фантастический геном старых зданий, сохранивший для нас чувства, вкусы, людские привычки и манеры, да и не всю ли ту атмосферу, воздух минувших веков Москвы?

«Здесь всё меня переживет, – написала когда-то в стихах Анна Ахматова и добавила: – Всё, даже ветхие скворешни...»

Скворешни!.. Что же тогда говорить о зданиях, с детства

теснящихся вокруг нас, сопровождающих нас от рождения до смерти, дающих нам кров, тепло очага, уют, любовь – может, единственную нематериальную ценность мира?

Знаете ли вы, что в Москве есть двери, ведущие с улицы на широкую парадную лестницу, куда входила, считайте, вся русская литература за последние четыре века? Дом, пусть и перестроенный ныне, но где жил в 1760-е гг. поэт и драматург – и, кстати, директор Московского университета – Михаил Херасков, где бывали, подумать только, Сумароков и Фонвизин, где потом танцевали на великосветских балах и «машкерадах» Пушкин и Грибоедов, где через поколение, в 1880-е гг., в редакции юмористического журнала «Зритель», умирали от смеха и анекдотов три брата Антон, Александр и Николай Чеховы, которые сотрудничали в издании, где позже, уже в 1913 г., юный Есенин в служебной комнатке дома впервые попытался покончить жизнь самоубийством и где потом – уже в хорошо знакомом нам «Новом мире» – бывали до середины 1960-х гг. не просто все значимые поэты и писатели той эпохи, но аж три нобелевских лауреата по литературе: Пастернак, Шолохов и Солженицын?.. И это – в одном только доме...

Ныне домов в Первопрестольной, переживших века, десятки, сотни из известных мне восьми тысяч адресов гениев, талантов и просто чернорабочих русской словесности. Мы все еще буквально путешествуем, листая «каменную летопись» великой русской литературы, слышим голоса мудре-

цов, участвуем в их спорах, переживаем за них в бытовых неурядицах и как бы становимся невольными соучастниками, соглядатаями событий, послуживших поводом и первопричиной их творческих взлётов.

Та же Цветаева еще в 1913 г., как бы хватаясь за улетающий в никуда день, вдруг ахнет: «Не презирайте "внешнего"! – напишет. – Цвет ваших глаз так же важен, как их выражение; обивка дивана – не менее слов, на нем сказанных. Записывайте точнее! Нет ничего неважного! Говорите о своей комнате: высока она или низка, и сколько в ней окон, и какие на них занавески, и есть ли ковер, и какие на нем цветы?..» А до нее великий Боратынский, чей дом, к счастью, сохранился, неожиданно, но с тайной надеждой на нас, потомков, признается: «Мой дар убог, и голос мой не громок, // Но я живу, и на земле моё// Кому-нибудь любезно бытиё: // Его найдет далекий мой потомок... // И как нашел я друга в поколение, // Читателя найду в потомстве я...»

Чудеса прогулок, радость открытий, неожиданных встреч с тем, чего уже нет, со звуками, красками, запахами старой Москвы. Увидеть на нынешней Пресне, как молодой еще Пушкин, верхом на гарцующей лошади, не раз и не два, а целых три года подъезжал к усадьбе статского советника Ушакова ради старшей его дочери Кати, к которой сватался и которой именно здесь подарит браслет, ставший потом «тайной» для литературоведов. Ведь про этот утраченный ныне дом он напишет ей потом: «...на память поневоле // Придет

вам тот, кто вас певал, // В те дни, как Пресненское поле //
Еще забор не заграждал...» Или – прикоснуться к тёплой
стене еще сохранившегося дома в Ермолаевском переулке,
где тот же Пушкин ровно двести лет назад оказался неволь-
ным соперником в любви к дочери сенатора и князя Урусо-
ва, красавицы Софьи, аж с самим императором Николаем I,
бывавшим здесь, и где поэта, из-за нее же, вызовет на дуэль
другой поэт – родственник хозяев дома... Ведь это уже ни-
когда не вычеркнешь из истории нашей литературы!

А вековые деревья в Милютинском переулке, которые в
двух сохранившихся домах, может помнят и рождение, и
фактическую смерть великого Серебряного века? В одном
из них родился первый символист Валерий Брюсов, а в дру-
гом – напротив! – жили в 1930-х и были арестованы чеки-
сты Ягода, Ежов и главный палач наших знаменитых поэтов
и писателей Яков Агранов. А дом, где жила Нина Заречная,
то есть, простите, Лика Мизинова, героиня чеховской «Чай-
ки»? А двор, в который выбросился с 7-го этажа друг Ман-
дельштама, великий чтец, автор жанра «Театр одного актё-
ра» Владимир Яхонтов? А комната в Трубниковском, где ра-
ди любви Пастернак выпил залпом флакон йода и его отпай-
вала молоком его будущая и последняя жена Зинаида – эпи-
зод, который почти целиком войдет в его закатный роман
«Доктор Живаго»? Ведь эти дома живы, и к ним также мож-
но, пробегая мимо, прикоснуться помнящей ладонью. Тут
литература как бы облачилась когда-то в камень, а камень

памятных зданий невольно превращается для нас в Литературу с большой буквы...

Все эти адреса – и еще, как я сказал уже, свыше восьми тысяч других, – которые я «собирал» едва ли не всю жизнь, перечислены мной с минимальным комментарием во втором томе моего Атласа «Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8 тысяч адресов писателей, поэтов и критиков (XVII–XXI вв.)». Кстати, само слово «Атлас» в применении к градоведению не моя придумка (см., например, «Атлас Н.Цылова», выпущенный в 1849 г., или «Атлас Москвы» Хотева, опубликованный в 1852 г.). Но в первом томе этого издания, в книге, которую вы держите в руках, рассказано лишь о трех сотнях их, не только наиболее интересных, но и сохранившихся до наших дней, тех, кои я, специально для почитателей Литературы, выбрал лишь внутри Садового кольца. О многих из них ныне написаны даже книги, не говоря уже об энциклопедиях, специальных исследованиях, справочниках и путеводителях. Именно потому я ограничился здесь лишь коротким своим комментарием: иногда приведением всего лишь цитаты классика «по теме», репликой, когда-то поразившей меня, литературным анекдотом, связанным с этим местом, нечаянной параллелью обитателя дома со знаменитым «литературным героем» или – знаменательной встречей, ярким событием, неизвестным фактом. Разумеется, это личностный выбор «историй» об истории Литературы. Мои рассказы об упоминаемых здесь домах

— это то, что в свое время поразило лично меня, что изменило или, напротив, утвердило меня во мнении о том или ином литераторе, что заставило ворошить первоисточники и погружаться в труды исследователей. В каких-то заметках о том или ином эпизоде из жизни московских домов знакомство с моими текстами потребует и от читателя известной осведомленности, но в одном вы можете быть уверены — всё приведенное здесь правда. До буквы "Я" — до кирпичика.

Наконец, подспудным желанием, если хотите, целью этого путеводителя было стремление пусть не сейчас, но в обозримом будущем увидеть на стенах этих зданий мемориальные доски многим из их обитателей. Ведь у подъезда одного из домов на Большой Никитской, где в разное время и не зная друг про друга жили в узкой комнатке 1-го этажа великие Цветаева и Ахматова, там, где в любой европейской столице висели бы, как ордена, две мемориальные доски, не висит по сей день ни одной. Ну не стыдно ли нам — потомкам?! А ведь таких домов в столице сотни...

Принципы построения двухтомника Атласа — одинаковы. Переулки, улицы и проспекты расположены здесь в алфавитном порядке и также (для удобства читателей) приведены в современных названиях. А условными сокращениями, выделенными **жирным** шрифтом в двухтомнике, обозначены:

Ж. — в доме жил, жили;

Б. — в доме был (бывали);

В. — в доме выступали (читали стихи, прозу, делали до-

клады, ставили спектакли).

Строчные буквы (в скобках) подскажут вам, что буква «с» обозначает, что дом сохранился, «с. п». – сохранился, но перестроен, «с.н.» – сохранился, но надстроен, а «н.с.» – не сохранился.

Кроме того, в книге есть два приложения: краткое перечисление адресов литературных музеев, всевозможных мемориальных квартир и домов писателей Москвы (*Приложение № 1*), а также некий «именной список» адресов, по которым в разные годы жили наиболее знаменитые русские писатели, своеобразный персональный «адресатник» Тургенева, Тютчева, Бунина или Гумилева (*Приложение № 2*). Ведь не исключено, что кто-то из читателей, особенно специалистов, захочет просто «пройтись» по адресам любимого Блока или не так давно ушедшей от нас Ахматовой.

Что касается перечня источников сведений, приведенных в книге, то автор решил отказаться от них ввиду их многочисленности. Ибо помимо энциклопедий, указателей «Вся Москва» и справочников Союза писателей (за разные годы) многие приведенные здесь адреса были позаимствованы из десятков путеводителей и сотен биографических книг, записок, мемуаров и опубликованных переписок литераторов за четыре минувших века. Это, в свою очередь (хочу заранее предупредить будущих критиков и «буквалистов»!), не исключает, разумеется, иных фактических ошибок в представленной работе – что, как известно, допускается (иногда до

1 % от общего объема) даже в официальных энциклопедиях и справочниках.

Ну и, наконец, последнее: автор выражает глубокую благодарность всем тем, кто помогал ему советом, подсказкой, информацией о том или ином адресе, а также – издательству АСТ, с 2008 г. публикующему мои книги о домах и домочадцах русской литературы в Москве, Петербурге и Париже.

А

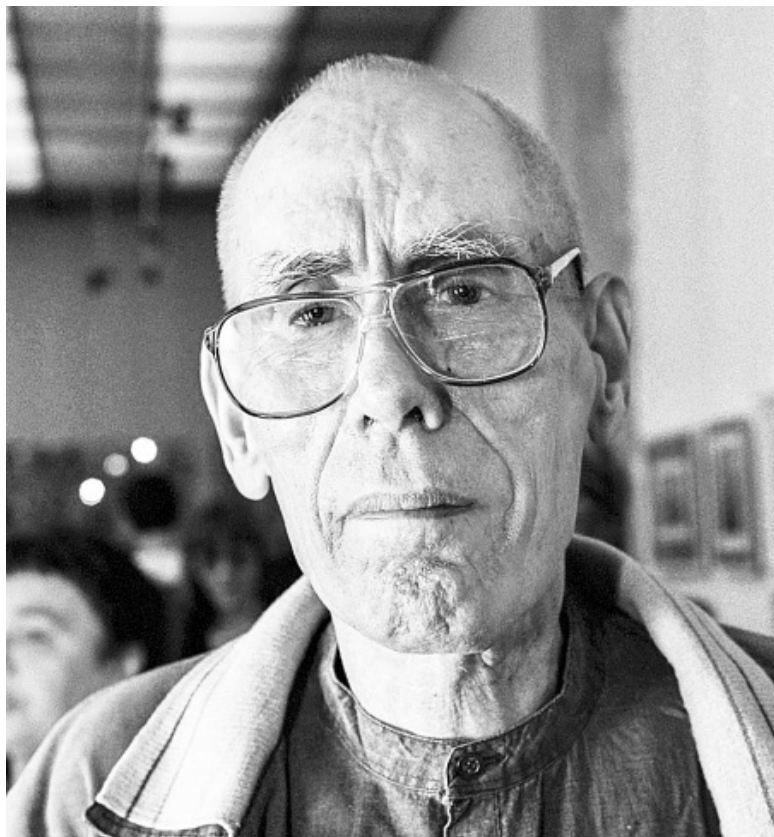
От Ананьевского переулка до Большого Афанасьевского

1. Ананьевский пер., 4/2, стр. 1 (с.), – Ж. – с 1970-х гг. до 1999 г. – поэт и прозаик, участник литературной «Лианозовской группы» Игорь Сергеевич Холин.

Есть такой витамин – холин, знаете вы об этом? Он полезен для нервной системы и, вообразите, – «улучшает память». И есть, вернее уже был, ибо скончался в этом доме, поэт Игорь Холин, один из основателей «барачной» (от слова – «барак») поэзии и родоначальник андеграундной поэзии, которая ныне стала и уже останется навсегда – очень даже «граундной», то есть по-простому – «земной». Игорь Холин – «длинный очкарик, – как запомнился друзьям, – с перчатками и в зеленой шляпе, и с восторженной чувихой ря-

дом...». Шутка ли, лично вылил вино на лысую голову все-
сильного тогда Никиты Хрущева...

Поэт и прозаик Игорь Холин

Кого только не было рядом с Холиным, ведь его после фронта (он закончил войну в Праге, в звании капитана и с орденом Красной Звезды) сопровождали друзья и коллеги «по жанру», широко известные ныне Евгений Кропивницкий, Генрих Сапгир, Эдуард Лимонов, Ян Сатуновский, Всеволод Некрасов, Вагрич Бахчанян и, конечно, художники – Оскар Рабин, Эрнст Неизвестный, Владимир Немухин, Николай Вечтомов. И, возможно, еще на **ул. Мельникова, 2**, или на **Чистопрудном, 1**, где он жил до 1967 г., к нему заходили его знакомые: Илья Эренбург, Леонид Мартынов, Борис Слуцкий, Илья Сельвинский, потом Глеб Горбовский, Варлам Шаламов, Николай Глазков, Иосиф Бродский, Игорь Губерман и «румяный мальчик», студент журфака Александр Гинзбург, впервые напечатавший в 1959-м в самиздатовском альманахе «Синтаксис» стихи Холина. А еще раньше – бывал даже Назым Хикмет. Турок, как вспоминал Холин, еще в 1956-м «уверял нас, что через десять лет... все будет совершенно по-другому, всех будут печатать и не надо будет писать "черные стихи". Он даже мне книжку свою подарил и нарисовал там лампочку, чтобы я, дескать, писал "посветлее" ...» Но куда там, стихи, как и жизнь, рождались у Холина в Лианозове, в гнезде непокорных, «ужаленных войной и лагерями», одно мрачнее другого: «Это было дело в мае, во втором бараке Рая удушилась в сарае...» А из «веселого» – разве что это: «Сегодня суббота, сегодня зарплата, сегодня напьются в бараках ребята...»

Легендарная «Лианозовская группа», взрывательница «литературных канонов», защитница «маленького человека», говорящая на его языке, про которую ныне написаны книги и монографии, собиралась в «бараке № 2», у поэта и художника Евгения Кропивницкого, неподалеку от станции Лианозово, от которой и получила название. Но некая «тайна» заключается и в том, что еще до образования группы, до встречи с Кропивницким, капитан Холин за пощечину подлецу-сослуживцу попал на два года в лагерь, в зону, которая называлась «Лианозово». Ну разве не перст судьбы?

«На жизнь надо смотреть в упор...» – эти слова Генриха Сапгира стали и девизом, и поэтическим лозунгом первых авангардистов в стихах. Надо очистить поэзию, считали они, от эпитетов, сравнений и прочего мусора, «обветшало́го груза литературщины». В Лианозове царило, как напишет потом поэт Всеволод Некрасов, «не искусство по знакомству, а знакомство по искусству...».

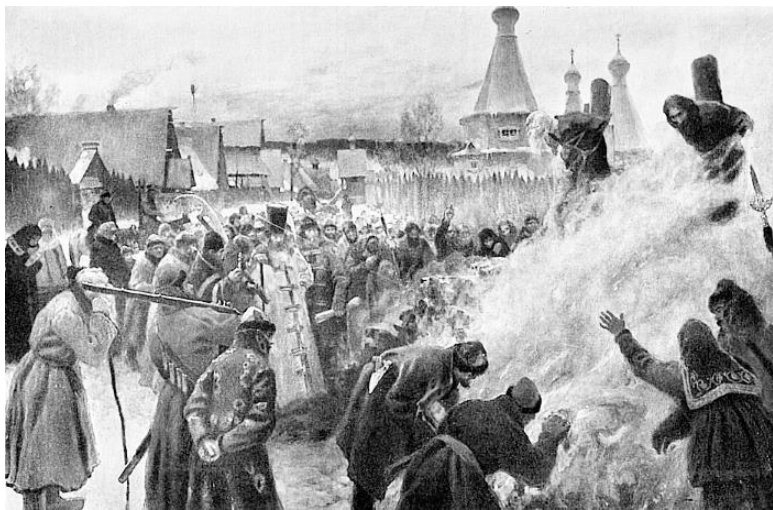
А здесь, в Ананьевском, Холин уже сам собирал свои сборники стихов, самиздатовские, разумеется. «Жители барака», потом «Космические стихи», а позже книги «Дорога Ворг» и «Воинрид». Здесь же писал роман «Кошки-мышки». Но мало кто знает, что, по совету Сапгира, он стал писать и стихи для детей, и первый сборник их, «Месяц за месяцем», вышел в 1960-м в издательстве «Малыш». Более того, одно из стихотворений его угодило даже в «Букварь». Вот такой вот «барачный поэт». Неисповедимы пути поэтов. Но офи-

циально Холина напечатают только в 1989-м.

А что Хрущев? – спросите вы. Так вот, одно время Холин пристроился официантом в «Метрополь» и обслуживал порой «кремлевских бонз» на приемах в Кремле. И однажды, как вспоминал, «пролил несколько капель вина из бокала» прямо на лысину вождя. «И что же?» – изумился корреспондент. «Да ничего особенного, – ответил поэт. – Поморщился, но даже ничего не сказал...»

Нет, Холин не только поэт и человек. Для нас он еще и «витамин», укрепляющий нашу память о прошлом. Необходимый и нынешней русской поэзии. Кстати, его дочь Арина, которую он в этом доме воспитал один (мать умерла при родах), ныне модный прозаик и, как отец, пишут, бросает «вызов привычным общественным стандартам».

2. Андроньевская пл., 10 (с. частично), – Спасо-Андроников монастырь (1357). Назван по имени первого игумена Андроника, ученика Сергия Радонежского. Здесь в августе 1653 г. содержался под стражей («посажен на цепь») до высылки в Тобольск 33-летний протопоп, один из основателей старообрядчества и первый прозаик Руси **Аввакум** (Аввакум Петрович).

«Сожжение протопопа Аввакума» (1897)

П.Е. Мясоедов

«Долго ли муки сея, прототоп, будет? – спросила мужа, протопопа Аввакума, Марковна, его жена. И он, как гласит написанное им «Житие протопопа Аввакума», ответил: "До самыя до смерти!"

А еще, как завещание всем пишушим, писал: «Не задумывайся, не размышляй много, пойдй в огонь. – Бог благословит. Добро те делали, кои в огонь забежали... Вечная им память...»

Смерть первого из известных нам русских прозаиков и была такой – огненной, страшной. В чем-то символичной

для 400-летней истории русской литературы. Аввакум по царскому указу в 1682 г. был сожжен «за великия на царский двор хулы».

Увы, мы мало знаем о реальной жизни протопопа. Пишут, что родился «в семье запойного пьяницы "прилежаще пития хмельнова"». Отец был сельским попом, но «любовь пображничать рано свела его в могилу». А матушка Аввакума, напротив, отличалась благочестием и кончила жизнь монахиней. «Ее подвиги, – утверждает энциклопедия Гранат, – с детства запали в душу сына и развивали в нем отвращение от мира, склонность к аскетизму, к умерщвлению плоти».

«Ребенок обладал огромной жизнестойкостью, феноменальной памятью, повышенной чувствительностью и впечатлительностью, – пишет И. Гарин, современный биограф писателя. – В двадцать один год он уже стал дьяконом, но за строптивость и нетерпимость был изгнан из родного села». Потом стал протопопом в Юрьевце Поволожском, где истово молился и изучал Священное Писание и был, как пишут, беспощаден к «своему духовному стаду» – сажал людей на цепь, морил голодом, бил палками, пытаясь исправить человеческую природу. Терпели его два месяца всего, после чего полуторатысячная толпа попов, мужиков и баб «вломилась в приказную избу и заставила его, бросив семью, бежать в Москву...».

Он, конечно, был фанатиком – страстным, непреклонным, воинствующим, но именно это и отличает гениев.

Здесь, в Андрониковом монастыре, частично сохранившемся до наших дней, его посадили на цепь, и, после многих унижений и надругательств, он был в присутствии царя и патриарха приговорен к ссылке в Тобольск. От голода и нужды погибли два сына протопопа, и два раза Аввакума возвращали из ссылки, но склонить его к примирению властям так и не удалось. Он верил в свои видения, в чудеса, в «изгнание бесов», кричал, что этим «подкрепляется дело Божие», хотя, возможно, они и были результатами его галлюцинаций от аскетизма и нервной, на грани жизни его, борьбы с врагами.

В 1667 г. протопоп был в очередной раз осужден, лишен сана, предан проклятию и сослан в Пустозёрск, где 15 лет провел в земляной тюрьме-срубе, где написал свое «Житие» и другие произведения. А в 1682 г. был сожжен, погиб на костре. Но история навсегда запомнила его и как блестящего проповедника, и как страстного оратора и, главное, как писателя – одного из основателей русской литературы.

Что же касается монастыря, где ныне музей, то после революции 1917 г. здесь, на его территории, до 1922 г. существовал один из первых концлагерей ВЧК, где проводились массовые расстрелы как раз тех, кто думал, сомневался, противился и проповедовал, кто боролся всего лишь за свои убеждения, за мысли и слова.

Символично!

3. Арбат ул., 2 (с. п.), – доходный дом В. Т. Фирсановой, с

1898 г. ресторан купца П. С. Тарарыкина «Прага», перестроен в 1902 г. (арх. Л. Н. Кекушев, а затем – А. Э. Эрихсон).

Не кривитесь иронично: рес-то-ран! Это одно из самых знаменитых зданий по числу бывавших здесь известных в истории России людей. А если говорить о литераторах, поэтах и писателях, то здесь, в «Праге», перебивала едва ли не вся литература XX в. Перечислять почти бесполезно, но в разные годы здесь бывали Блок, Бальмонт, Брюсов, Андрей Белый, Ходасевич, Цветаева, Ахматова, Маяковский (написавший стихотворную рекламу «Праге»), а также – Булгаков, Платонов, Шкловский, Эренбург, Фадеев, Пильняк, Олеша, Катаев, Гроссман, Симонов и многие, многие другие. Наконец, здесь московские писатели торжественно приветствовали французского поэта и драматурга Эмиля Верхарна.

Но особо хотелось бы сказать о трех-четырех фактах, связанных с этим местом. Во-первых, здесь в 1901 г. мхатовцы чествовали Антона Чехова по случаю постановки пьесы «Чайка». Во-вторых, тут в августе 1906 г. буквально в пять минут окончательно рассорились старые друзья Александр Блок и Андрей Белый – из-за третьей участницы встречи, жены Блока – Любови Дмитриевны.

Ресторан «Прага» (Арбат, 2/1)

Официант, пишут, успел в тот день разлить им по бокалам токайское, но к вину никто даже не прикоснулся – все трое вскочили и у выхода возмущенно разбежались в разные стороны. Речь за столиком сразу зашла о том, что Люба, опомнившись от затянувшегося «романа» с Белым, с первой минуты, еще приветливо улыбаясь, предложила ему «утомяниться» и не приезжать больше в Петербург. Андрей Белый (они его со дня знакомства звали, конечно же, по его настоящему имени – Борей), который шел сюда уверенный в «полной сдаче позиций» Блоками, который надеялся «спасти», наконец, Любу от ее мужа, при этих словах вскочил: «Нам

говорить больше не о чем – до Петербурга, до скорого свидания там».

«Нет, решительно: вы – не приедете», – крикнула Люба. – «Я приеду». – «Нет». – «Да». – «Нет». – «Прощайте»... Вот и весь разговор.

Белый запомнит, что на белой мраморной лестнице он, обернувшись, прочел в глазах Любы ужас, «словно у него в кармане был револьвер...». До револьвера, к счастью, дело не дойдет, но замечу: на другой день он пошлет Блоку вызов на дуэль... Дуэль не состоится, но разве это не громкое «литературное событие», связанное с этим домом?

Здесь же, в ресторане, но через шесть лет, уже в 1912 г., праздновала свою свадьбу с Борисом Трухачёвым восемнадцатилетняя поэтесса и прозаик Анастасия Цветаева, сестра Марины Цветаевой. Помним ли мы, что девятнадцатилетний жених ее лихо подъехал к ресторану (что было сверхэпатжно тогда!) на... мотоцикле, кстати, подаренном ему накануне как раз Асей? А шафером на их свадьбе был друг Трухачёва, Борис Бобылев, влюбленный в Анастасию. Драма, да еще какая, разыгравшаяся здесь. Именно из-за Бориса Бобылева, вскоре покончившего жизнь самоубийством, молодые переедут в новую квартиру, в дворовый флигель дома, где скоро поселится со своим мужем сестра Аси – Марина (**Борисоглебский пер., 6**) и где ныне музей Цветаевой.

Наконец, здесь, в 1931 г. Михаил Булгаков ужинал с ленинградской актрисой и прозаиком Екатериной Шереметье-

вой, которая от имени «Красного театра» Ленинграда, где одновременно работала завлитом, заказала ему пьесу «Адам и Ева». Пьеса была написана в течение месяца, но в «Праге» оба заспорили по поводу модной тогда «женской эмансипации». И вообразите, когда драматург вышел за папиросами, шаловливая и упрямая Катя в доказательство женского «равноправия» расплатилась за обоюдный ужин. Булгаков, вспоминала, страшно обиделся, он был буквально оскорблен, но так начался между ними легкий флирт. Шереметьева, написавшая об этом в своих воспоминаниях, рассказывала мне в начале 1970-х, что когда они ехали как-то в «Красной стреле» в Ленинград, то Булгаков, пикируясь с ней, вдруг спросил: «А какая вы в постели?»

«И что же вы ответили?» – отбросив деликатность, поинтересовался я. Она засмеялась и сказала: «Ответила в его же духе, смешливо – "Всякая"»

Об этом факте Екатерина Михайловна не написала в мемуарах. Не найдете вы этого доказательства «жуирства» Булгакова и в книгах о нем. Но разве все эти мгновения жизни не интересны нам?

4. Арбат ул., 4 (с.), – дом генерала и просветителя А. Л. Шанявского, мебл. комн. «Гуниб», а затем – гостиница «Столица» (1900-е гг.). Здесь в разное время жили многие литераторы, составившие ныне славу нашей литературы. Здесь жил, в зените своей славы, поэт и переводчик **Кон-**

стантин Дмитриевич Бальмонт, поэт и прозаик **Иван Алексеевич Бунин**, художник, сценограф, график **Николай Николаевич Сапунов** и многие другие.

Иван Бунин останавливался здесь в начале 1890-х, ибо не жил, а пока наезжал в Москву. Позже будет жить в Первопрестольной, по моим подсчетам, в десяти домах (см. *Приложение № 2*). Но отчего в гостинице «Столица» (а она располагалась на 2-м этаже этого дома) поселился в 1901-м давний москвич Бальмонт? Так вот, как гласят воспоминания, поэт прятался здесь от властей, точнее – от полиции.

Поэт и переводчик Константин Бальмонт

Дело в том, что после знаменитого разгона революционной демонстрации в Петербурге у Казанского собора Бальмонт 14 марта 1901 г. на благотворительном петербургском вечере прочел «бунтарское» стихотворение «Малень-

кий султан».

«То было в Турции, где совесть вещь пустая. // Там царствует кулак, нагайка, ятаган, // Два-три нуля, четыре негодя // И глупый маленький султан».

Все поняли тогда: «султан» – это Николай П. Возникло обвинительное «дело» о чтении бесцензурного произведения, которое рассматривалось в Особом совещании департамента полиции. А поэт, не дожидаясь обыска в своей петербургской квартире, тайно сбежал в Москву, где и попытался спрятаться в гостинице. Увы, его нашли и здесь и 20 мая постановили: выслать поэта из двух столиц с запретом жить даже в университетских городах. Поэт решил укрыться в курском имении Сабашниковых, потом – в эмиграции. Но удивительно другое: друзья, литераторы Москвы, несмотря на запреты и слежку, устроят ему пышные проводы, как раз рядом – в ресторане «Прага».

Наконец, в этом же доме (стр. 1) жил в 1900-е гг. поэт-символист, критик, издатель и мемуарист **Сергей Алексеевич Соколов** (Сергей Кречетов). Позднее, после революции 1917 г., здесь жил также прозаик, литературовед, фольклорист **Сергей Константинович Шамбинаго** и его жена – **Татьяна Алексеевна Шамбинаго-Василенко** (урожд. Шевалдышева), в семье которых с 1929 г. неоднократно бывал писатель М. А. Булгаков. А в 1950-е гг. в этом доме проживала поэтесса Мария Алексеевна Муромцева.

5. Арбат ул., 9 (с.), – Ж. – в 1870–80-е гг., в дворовом строении дома – мемуаристка, литератор, племянница Льва Толстого **Елизавета Валерьевна Оболенская**. Сюда писатель часто заходил, оставался обедать, беседовать. Однажды Оболенская обронила здесь поговорку: «В здоровом теле – здоровый дух». Писатель нахмурился: «Я не люблю эту поговорку, – сказал. – В здоровом теле редко бывает здоровый дух. Чем здоровее тело, тем меньше духовной жизни...» И ведь граф, думается, не шутил...

Что касается «духов», то Толстой, возможно, и рассказывал здесь историю, которая с ним приключилась в молодости. Он записал ее. Как однажды, в юности, он почти умер от болезни. И ночью в больнице к нему пришла какая-то старушка. Положила руку на лоб и сказала, что умирать ему еще рано: «Ты поживи! Тебе еще предстоит стать знаменитым писателем!» Утром он стал расспрашивать врачей про нее, описал ее внешность, одежду. Оказалось, пишут, эта пожилая женщина умерла неделю назад на той же койке, на которой лежал тяжелобольной будущий писатель. Такая вот история.

«Жить, как все...» – один из принципов Льва Толстого

Кстати, это заблуждение, что судьба его произведений при жизни была безмятежной и комплиментарной. И я имею в виду не только статьи Ленина о нем. Скажем, Николай Шелгунов назвал «Войну и мир» романом «социально вредным» и пожелал, чтобы имя автора было «вычеркнуто из списков» великих: «Мы не отрицаем в графе Толстом таланта для описания солдатских сцен, – писал он, – но думаем, что мировая философия не его ума дело». А «Анну Каренину» уже Суворин назвал «ароматным представлением царства одеколонов»: «Сам Толстой, – утверждал он, – не далеко ушел от своих героев. В своем новом романе он продолжает вертеться с любовью все в том же "тюлево-ленто-кружевном" кругу, где обыкновенно говорят всякий вздор». И уж совсем припечатал «Анну Каренину» революционный демократ Ткачев: «Гора родила мышь, – выкрикнул он в вечность, – да и не живую, а мертвую».

Наконец, в этом доме, позже, в 1910-х гг., жил поэт, прозаик, мемуарист, будущий секретарь правления Всероссийского союза писателей (1922–1926) – **Андрей** (наст. имя Юлий) **Михайлович** (Израилевич) **Соболь** (Собель). А в 1920-х гг. в этом доме открылось кафе «Арбатский подвальныйчик». **В.** – с чтением стихов А. Белый (Б. Н. Бугаев), С. А. Есенин, Б. Л. Пастернак, В. В. Маяковский, В. В. Каменский и др. С 1998 г. здесь располагался Культурный центр Укра-

ины, библиотека и книжный магазин, ныне упраздненные.

6. Арбат ул., 16/2, стр. 2 (с.), – Ж. – в 1860-е гг. – историк, литературовед, библиограф, пушкинист (наряду с П. В. Анненковым считается основателем пушкинистики), издатель и редактор журнала «Русский архив» (1863), а также меуарист – **Петр Иванович Бартенев** и его жена – **Софья Даниловна Шпигоцкая**. Здесь собирал свидетельства об А. С. Пушкине, которые стали книгой «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851–1860 годах».

«Жадное любопытство к прошлому – вот что двигало Бартенева всю жизнь, – вспоминал пушкинист М. Цявловский. – В этом служении (в конечном счете бескорыстном, потому велику ли прибыль имел он от журнала) Бартенев был способен на нечто близкое к героизму. Я разумею факт еще мало известный в печати – предоставление Герцену "Записок Екатерины". Найдя список этих записок в архиве Воронцова, Бартенев привез его к Герцену в Лондон. Замечательно, что эти записки были изданы Герценом с анонимным предисловием, как мне удалось доказать, написанным Бартевым. Нельзя себе представить впечатление, какое это издание произвело в России, в особенности в семье Романовых, которые были скандализированы уже одним тем, что они оказались Салтыковыми...»

«Я не льстец, я льстивец», – любил говорить о себе Бартенева, часто подчеркивал: «У меня знакомых больше теперь

под землей, чем на земле...», а когда его хвалили, не без иронии отмахивался: «Вы меня просто облагоухали». Смешно!

*Историк литературы, издатель и редактор Пётр Бар-
тенов*

Пишут, что был, конечно, скуповат. В Ревеле, нынешнем Таллине, платил извозчикам ровно половину от таксы. И когда вскоре вышел из дома и крикнул экипажам, стоявшим рядом, никто даже не тронулся. Пишут, что вмешался какой-то прохожий: что же вы стоите, вас же зовет господин. На что получил ответ: «О, это Партенев, он тенка не платит!» Бартенев даже поехал жаловаться к губернатору. И, как многие пишут, часто расплачивался с авторами не деньгами, а редкими литературными артефактами. Поэт Борис Садовской вспоминает, к примеру, что за статью о Тургеневе Бартенев уступил ему четыре письма Гоголя к цензору Сербиновичу. А редкие книги, которые попадали ему в руки, случалось, просто присваивал: «Как же она может быть ваша, – говорил владельцу, давшему ему познакомиться с изданием, – когда на ней мой штампель?» Ну и конечно, так «забалтывал» посетителей, что Лев Толстой сравнивал его с самоваром, у которого забыли «закрыть кран». Толстой, кстати, бывал здесь у Бартенева, но чаще в Чертковской библиотеке (**Мясницкая, 7**), которой тот руководил как раз в годы жизни здесь. Он ведь, это мало кто знает, консультировал классика во время его работы над «Войной и миром» и даже, представьте, редактировал этот роман...

7. Арбат ул., 23 (с.), – доходный дом Ечкиных (1900, арх. Н. Г. Лазарев), с 1909 г. – дом ученого-историка С. Б. Весе-

ловского. **Ж.** – в 1830-е гг., в собственном доме, стоявшем когда-то на этом месте (н. с.), – историк, археограф, мемуарист, автор 8-томного «Словаря достопамятных людей Русской земли» (1836), тобольский и виленский губернатор – **Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский**, правнук Д. К. Кантемира и внук А. Д. Кантемира.

Позднее, с 1841 по 1842 г., в этом же, не сохранившемся ныне доме, в наемной квартире, жил поэт, драматург, историк, публицист, богослов, философ и художник, идеолог славянофильства, автор трагедии «Дмитрий Самозванец» – **Алексей Степанович Хомяков** и его жена **Екатерина Михайловна Хомякова**, сестра поэта Н. М. Языкова. В их доме, как известно, бывали Языков, Гоголь, Аксаков и многие другие.

А уже в 1902 г., в отстроенном на этом месте доме (с.), жил на последнем этаже, за овальными окнами – скульптор, «русский Роден», как звали его современники, автор будущих памятников Пушкину, Толстому, Тургеневу, Маяковскому и др. – **Сергей Тимофеевич Конёнков** и – с 1903 по 1934 г. – художники, братья **Александр Дмитриевич** и **Павел Дмитриевич Корины** (мем. доска).

Здесь в революцию 1905 г. Коненков, давно ожидая народных волнений, достал припрятанный им дома револьвер, вступил в народную дружину и вместе со своими учениками построил прямо у своего подъезда баррикаду. И на арбатских баррикадах художник и встретил свою первую же-

ну, семнадцатилетнюю Татьяну Коняеву, которую вылепил потом в образе Ники. А братья Корины именно в этом доме принимали у себя и Максима Горького, и много позже – Ренато Гуттузо.

В этом же доме в 1920 г. жил поэт, прозаик, критик **Сергей Федорович Буданцев**. Отсюда переедет в **Леонтьевский пер.**, в дом **24**, где в 1927-м сыграет свадьбу с поэтессой и переводчицей Верой Ильиной, а с 1928 по 1938 г. будет жить на Петровке (см. **Петровка ул., 16**), где его арестуют и отправят на гибель в колымский лагерь.

Наконец, в 1961–1963 гг., в этом доме жил поэт, киносценарист (сценарии фильмов «Я шагаю по Москве», «Застава Ильича» и др.), режиссер **Геннадий Федорович Шпаликов** и его вторая жена – актриса **Инна Иосифовна Гулая**. Именно здесь создавался сценарий фильма «Я шагаю по Москве».

Ныне известны шесть московских адресов Геннадия Шпаликова (1956–1959 гг. – **1-я Тверская-Ямская, 13**; 1959–1960 гг. – **Краснопрудная ул., 3/5**; 1961–1963 гг. – **Арбат ул., 23**; 1963 г. – **Верхн. Красносельская ул., 10**; с 1963 г. – **ул. Телевидения, 9, корп. 2**), но покончит он с собой в 1974 г. в Переделкине, уехав из своего последнего московского дома (**Бол. Черемушкинская ул., 11, корп. 1**).

Остается добавить, что через 16 лет, в 1990 г., ушла из жизни (по одной из версий, также покончила жизнь самоубийством) и жена Геннадия Шпаликова, мать его дочери

Дарьи – Инна Гулая.

8. Арбат ул., 27/47 (с.) – доходный дом (1912). **Ж.** – с 1914 по 1922 г. – певица, актриса, переводчик и мемуаристка, близкий друг Чехова, прототип Нины Заречной в его пьесе «Чайка» **Лидия (Лика) Стахиевна Мизинова** и ее муж – актер и режиссер МХАТа **Александр Акимович Санин**.

*Лица Мизинова в роли Нины Заречной
(пьеса А.П. Чехова «Чайка»)*

Она была так красива, что «на нее, – напишет потом Т. Л. Щепкина-Куперник, – оборачивались на улице...» Долго была влюблена в Чехова, но, не добившись взаимности, едва ли, как пишут, не «от отчаяния», сошлась с модным белле-

тристом и «великим ловеласом», тогда другом Чехова (они даже жили одно время в одной квартире, см. **Бол. Власьевский пер., 9**) – Игнатием Потапенко. Тот в середине 1890-х увез Лику в Париж, где она родила ему дочь, и позже – бросил ее, вернувшись к законной жене. Чехов, узнав эту историю, назвал Потапенко в частном письме «свиньей», а затем вывел его и Лику в «Чайке», в знаменитой паре Тригорина и Заречной. Но в этом доме Лика жила уже с мужем – актером и режиссером Саниным. Вместе с ним в 1922 г. уехала отсюда в эмиграцию, в Париж, где в 1939-м скончалась от туберкулеза. От того же недуга, что и Чехов, прославивший ее. Кстати, из сохранившихся в Москве адресов Мизиновой остался и **дом 19 в Староваганьковском переулке**. А сама «история», ставшая основой пьесы «Чайка», происходила, вероятно, в 1890-х гг., в меблированных комнатах «Гельсингфорс» в несохранившемся, увы, доме по адресу: **Тверская ул., 19а**.

Эмблема МХ

Позднее, в 1920–30-е гг., в этом арбатском доме жили прозаики, входившие в литобъединение «Кузница»: **Фе-**

дор Васильевич Гладков, Николай Николаевич Ляшко (Лященко), **Александр Сергеевич Неверов, Алексей Силыч** (Силантьевич) **Новиков-Прибой**. Здесь же располагались редакция газеты «Кузница» и клуб объединения. **Б.** – **А. В. Луначарский, А. С. Серафимович (Попов), Л. М. Леонов, С. А. Есенин, В. В. Казин, С. Г. Скиталец (Петров), М. С. Голодный (Эпштейн), А. П. Чапыгин** и многие другие. В этом же доме в 1920–40-е гг., в семье кадрового военного, рос будущий поэт, лауреат Госпремии СССР (1987) – **Евгений Михайлович Винокуров**.

9. Арбат ул., 28/1 (с. п., мем. доска), – с 1874 г. – дом издателей-просветителей братьев **Сабашниковых. Ж.** – с 1923 по 1929 г., в коммунальной квартире – поэт, драматург и переводчик, актер и с 1915 по 1934 г. – режиссер театра **Е. Вахтангова Павел Григорьевич Антокольский**.

Поэт Павел Антокольский

Марина Цветаева, знавшая Павла Антокольского в начале 1920-х гг. по театральной студии (**Мансуровский пер., 3**), выделяла в нем, конечно, поэта. «Как забыть, – писала она, – невысокую легкую фигуру Павлика – на эстраде, в по-

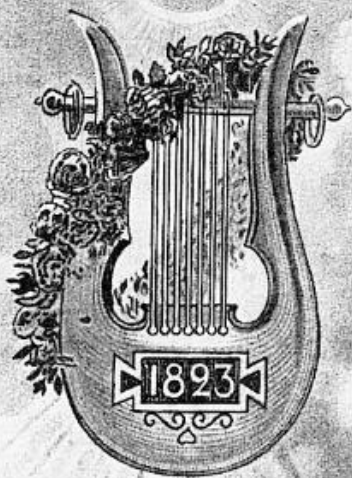
зе почти полета читающего стихи, как забыть его пламенные интонации, его манеру чтения стихов, нисколько не походившую на манеру тогдашних юных поэтов, подражавших Есенину... И уже зарождался будущий его "ток высокого напряжения", и чем мы можем ответить ему, как не громом рукоплесканий». Актером был, правда, неважным. Однажды в Камерном театре, куда поступил после мансуровской студии, так «заигрался» на сцене, «переигрывая», «гримасничая», «входя в раж», что «в транс», как пишет свидетельница, «свалился со сцены прямо в оркестр...». Правда, свидетельница и поправляется: «Но несмотря на это, Вахтангов его всегда выделял, советовался с ним, ведь это Павлик принес в студию "Принцесу Турандот". И все загадки написал для этой пьесы...» Впрочем, против полной правды нет приема: когда Цветаева вернулась в СССР из эмиграции, ее «Павлик», друг и коллега, первым испугался встретиться с ней, «белогвардейкой», как величали Цветаеву тогда...

Наконец, в этом же доме, с 1939 по 1941 г., жил актер, режиссер, мастер художественного слова, народный артист СССР (1979) и лауреат Сталинской премии (1949) **Дмитрий Николаевич Журавлев**, которого навещали здесь его друзья. **Б.** – (у Д. Н. Журавлева) Б. Л. Пастернак, А. А. Ахматова, В. Е. Ардов, пианист С. Т. Рихтер и некоторые другие.

10. Арбат ул., 30/3 (с.). Когда-то на этом месте стоял дом, в котором накануне восстания декабристов поселил-

ся в 1824 г. декабрист, поэт, критик, историк, будущий сенатор, тайный советник и обер-прокурор Святейшего синода – **Степан Дмитриевич Нечаев**. Здесь у него тогда же останавливался тоже декабрист, поэт, прозаик, критик, соиздатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманаха «Полярная звезда» – **Александр Александрович Бестужев-Марлинский**. Первый к расследованию по «делу декабристов», несмотря на показания одного из обвиняемых, не привлекался, а вот Бестужев-Марлинский был арестован и сначала сослан в Якутск, а позже, в 1829 г., – солдатом на Кавказ. Как прозаик успел прославиться, его даже, как не имеющего соперников в литературе, звали в литературных кругах «Пушкин в прозе». Первый, С. Д. Нечаев, упокоился, как известно, на Новодевичьем кладбище в Москве, а вот тело Бестужева-Марлинского так и не найдут – он погибнет в бою под Адлером, в лесу, будучи зарубленным горцами. И, символично, в один год с Пушкиным – в 1837-м.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА.

Изд. А. Бестужевымъ и К. Рылеевымъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

Обложка журнала «Полярная звезда» за 1823 г

Позже, с 1869 по 1872 г., в этом не сохранившемся здании, жил также поэт, прозаик, драматург и петрашовец **Алексей Николаевич Плещеев**. А уже в отстроенном на этом месте в 1904 г. и сохранившемся доходном доме А. И. Титова жил с 1908 по 1913 г. философ-кантианец, логик и переводчик **Борис Александрович Фохт**. Позже этот дом стал последним опять-таки для поэта: в нем в 1930-е гг., до ареста и расстрела в 1938 г., жил друг С. А. Есенина **Василий Федорович Наседкин** и его жена – младшая сестра С. А. Есенина – **Екатерина Александровна Есенина** (ее тоже и тогда же арестовали и выслали из Москвы).

*Библиотека истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Loseва»*

Их дочь, внучка С. А. Есенина, Наталья, напишет потом:
«В 1956 году В. Ф. Наседкина реабилитировали "за отсутствием состава преступления". Нам выдали "свидетельство о смерти", в котором сообщалось, что он умер «первого марта 1940 года». Получили мы и "компенсацию" – 600 рублей... Мама купила себе телевизор "Нева", я – наручные часы, а мой брат Андрей, кажется, костюм... Тогда, в годы хрущевской "оттепели", никому из нас, членов семьи, познакомиться с "делом" отца не разрешили. И только несколько лет на-

зад, когда давно уже ушли из жизни моя мама и брат Андрей, я получила доступ к документам НКВД... Прочла решение "тройки", обвинившей В. Ф. Наседкина по нескольким пунктам статьи 58 (среди них пункт о терроризме). Получила и новое свидетельство о смерти, из которого узнала, что отца расстреляли 15 марта 1938 г., в тот же день, когда "тройка" вынесла ему смертный приговор... А тополю отцовскому (посаженному в 1927 г. рядом с домом Есенина в селе Константинове. – В. Н.), – заканчивает воспоминания Наседкина-Есенина, – уже 74 года...» Сегодня этому дереву должно быть 94 года. Живо ли оно?

Наконец, с 1930 по 1964 г. в этом доме жили: прозаик, сценарист **Юрий Павлович Казаков** (мем. доска), а также, в 1930–40-е гг., – поэтесса и дирижер **Вероника Свилах**. Здесь, видимо в 1948 г., художник Оскар Рабин рисовал портрет Свилах.

Остается лишь добавить, что во дворе этого дома в 1983 г. получила квартиру психотерапевт, целительница, поэтесса и художница **Джуна (Евгения) Ювашевна Давиташвили**. И среди гостей ее, а лучше сказать – пациентов, здесь бывали В. С. Высоцкий, Б. А. Ахмадулина, А. А. Вознесенский, кинорежиссер А. А. Тарковский, итальянцы-кинематографисты Ф. Феллини и Д. Мазина и многие, многие другие.

11. Арбат ул., 33/12 (с.). – Ж. – в 1910-е гг. – в меблированных комнатах – поэт, прозаик, критик, литературовед

и историк литературы, которому М. И. Цветаева, уезжая в эмиграцию, доверила часть своего архива, – **Борис Александрович Садовской** (наст. фамилия Садовский). Здесь в 1916-м г. он, после паралича руки и ног (последствия сифилиса), окончательно слег. Отсюда Садовской, автор шести книг стихов и нескольких томов прозы, переедет сначала на родину в Нижний Новгород, а затем в **Бол. Кисельный пер., 8**, и в 1922 г. – в подвальную комнату Новодевичьего монастыря, «келью», по его словам (см. **Новодевичий проезд, 1**), где и окончит свои дни в 1952 г.

Позже, в начале 1920-х гг., в этом доме поселился и здесь скончался в 1923 г. прозаик, драматург **Александр Сергеевич Неверов** (наст. фамилия Скобелев). Здесь закончил самую известную свою книгу «Ташкент – город хлебный».

Наконец, с 1941 по 1988 г., пережив арест (за послецензурные вставки в свою знаменитую работу «Диалектика мифа») и заключение на лесоповале в лагере Беломорканала (1930–1933), в этом доме жил философ, прозаик, антиковед, переводчик **Алексей Федорович Лосев** (в монашестве – Андроник). Интересно и интригующе, но он с юности знал, что станет философом. В 16 лет подписал одно из писем своей первой любви Ольге Позднеевой – «будущий доктор философии». «Да, да! Всю жизнь писать и читать, читать и писать. Понимаете... всю жизнь!» А перед разрывом с ней, в 1910 г., признался: «Мое занятие – не танцы, не гулянье, не веселье, а – кабинет, книги и сочинения. Я хотел найти се-

бе счастье вне моего кабинета, но... Нет! Не будет здесь счастья, счастье там, у Бога! Как здесь все низко, пошло, легкомысленно!...»

На Беломорканал он попал после разгрома его труда «Диалектика мифа». В «Правде» его громил сам Горький. Назвав философа «существом низшего типа», классик изничтожил его: «Если б профессор был мало-мальски нормальный человек, он, разумеется, понял бы (какой он негодяй) и – повесился... Что делать этим мелким, честолюбивым, гниленьким людям в стране, где с невероятным успехом действует молодой хозяин – рабочий класс?.. Нечего делать в ней людям, которые опоздали умереть, но уже гниют и заражают воздух запахом гниения...» Каково?!

Лосев найдет сподвижницу, и с 1954 г. в этом доме поселится его гражданская жена – литературовед, будущий профессор МГУ – **Аза Аликбековна Тахо-Годи**. А первая любовь, Ольга Позднеева, поселится рядом (**Мерзляковский пер., 13**), проживет там до смерти в 1960-м, но так ни разу и не встретится с Лосевым. Объединит их лишь Ваганьковское кладбище, где похоронены оба. Он ведь не зря говорил о земном существовании: «Лучше страдание со смыслом, чем счастье без смысла...»

Ныне, с 2004 г., в этом доме в память о философе располагается Библиотека истории русской философии и культуры, а само здание получило имя «Дом А. Ф. Лосева».

12. Арбат ул., 37 (с.), – до 1830 г. – дом обер-прокурора

Св. синода (1797–1799), сенатора, тайного советника, московского предводителя дворянства, кн. **Василия Алексеевича Хованского**. Сюда, по свидетельству его зятя, мемуариста А. Я. Булгакова, съезжались «все знаменитые путешественники, певицы, певцы, музыканты и артисты». До 1825 г. в этом же доме жил историк, дипломат, мемуарист, друг А. С. Пушкина – **Дмитрий Николаевич Свербеев**, а с 1834 г. – актриса **Екатерина Семеновна Семенова-Гагарина**.

Б. – (на «литературных пятницах» у Свербеева) Пушкин, Чаадаев (родственник жены Свербеева), поэт и переводчик Гнедич и др.

После революции, с 1921 г., в этом доме располагался Революционный военный трибунал Московского военного округа. Ныне – Московский окружной военный суд.

13. Арбат ул., 38/1 (с.), – дом купца Т. Астахова (надстроен в 1901 г., арх. Н. П. Матвеев). **Ж.** – в 1900-е гг. – прозаик, будущий драматург, критик, переводчик и мемуарист **Борис Константинович Зайцев**. Первая своя квартира писателя, один из восьми московских адресов писателя (см. *Приложение № 2*).

Здесь Зайцев поселился, вернувшись в 1901 г. из Петербурга, где бросил, не закончив, Горный институт, и здесь начал публиковать первые рассказы. И в этом доме в 1902 г. познакомился с будущей женой – **Верой Алексеевной Смир-**

новой (урожд. Орешниковой).

Позже вспоминал, что, например, Константину Бальмонту, бывавшему здесь, «нравилась, видимо, шумная и веселая молодежь, толпившаяся вокруг жены моей, – нравилось, конечно, и то, что его особенно ценила женская половина...» Иногда Бальмонт приходил «в мажоре... победоносно-капризен и властен. – Поэт желал бы читать свои произведения не в этой будничности, но среди рощ и пальм Таити или Полинезии. – Но откуда же нам взять рощи и пальмы, Бальмонт? Он, – пишет Зайцев, – осматривает нехитрую обстановку нашей столовой. – Мечта поможет нам. За мной! – И подходит к большому старому обеденному столу. – Макс, Вера, Люба, Борис, мы расположимся под кровлей этого ветерана, создадим еще лучшие, чем в действительности, пальмы. И он ловко нырнул под стол. Волошину было трудно, он и тогда склонен был к тучности, дамы проскочили со смехом, по-детски... И вскоре из пальмовой рощи раздались протяжные "нежно-напевные" и "певуче-узывчивые" строфы его стихов...»

«В салоне Зинаиды Волконской» (1907)
Фрагмент Г. Г. Мясоедов

А однажды, в 1905 г., сюда пожаловал «мэтр» – петербуржец Вячеслав Иванов. «Вечер. Сижу за самоваром один, жена куда-то ушла, – вспоминал Борис Зайцев. – В передней звонок. Отворяю, застегивая студенческую тужурку. Пришел Вячеслав Иванов с дамой, очень пестро и ярко одетой... Дама – его жена, поэтесса Зиновьева-Аннибал. Смущенно и робко приветствую их – как мило со стороны стар-

шего, уже известного поэта зайти к начинающему писателю, еще колеблющемуся, еще все на волоске... Гость оставляет несколько старомодную крылатку и шляпу в прихожей, мы усаживаемся за самоваром – два странных гостя мои сидят в начинающихся сумерках – соединение именно некой старомодности с самым передовым, по-теперешнему "авангардным" в искусстве. Я угощаю чем могу (чаем с вареньем). Но тут дело не в угощении. Вячеслав Иванович из всякого стакана чая с куском сахара мог – и устраивал – некий симпозиум... Другого такого собеседника не встречал я никогда... Никогда не был скучен или утомителен, всегда свое, и новое, и острое...» Оказывается, поводом прихода был только что напечатанный рассказ Зайцева «Священник Кронид». Вот имя-то священника – Кронид – и заинтересовало Иванова и стало темой его блестящей – «да какой!» – пишет Зайцев, – импровизированной лекции. «Так вот и превратился скромный арбатский вечер в небогатой студенческой квартирке в настоящий словесный пир».

В этом доме кроме Бальмонта, Волошина и Вяч. Иванова бывали многие, составившие ныне славу русской литературы: Леонид Андреев, Андрей Белый, Бунин (по слухам, именно здесь познакомившийся со своей будущей женой Верой Муромцевой, подругой жены Зайцева) и многие другие, даже Луначарский (в 1904-м Зайцев, вместе с Буниным и Луначарским, работал в марксистском литературном журнале «Правда»). Ну, и остается добавить, что в революцию

1905 г. квартира Зайцева служила явкой революционерам. А на 1-м этаже была чья-то квартира, где изготавливали бомбы для восстания. Кстати, Лев Колодный утверждает ныне, что в революцию 1905 г. Арбат перегораживали аж три баррикады – ни на одной улице не было столько. И одной из дружин восставших командовал Конёнков, скульптор, который, как уже говорилось, жил на последнем этаже в соседнем доме (**Арбат ул., 23**). Отсюда, видимо, Зайцев, вместе с «литературной компанией» переберется позже в свой новый дом (**Гранатный пер., 2/9**).

Борис Зайцев – писатель

Наконец, в этом же «зайцевском доме» и в те же годы жил врач **Филипп Александрович Добров** и его жена – Елизавета Михайловна Доброва, у которых с 1906 г. проживал в детстве родившийся в 1906-м и привезенный сюда отцом из Германии будущий поэт, прозаик и мемуарист **Даниил Леонидович Андреев** – сын писателя и драматурга Леонида Андреева.

14. Арбат ул., 43 (с. н.), – **Ж.** – в. 1920–30-е гг. (с перерывами), на 4-м этаже, в двух комнатах коммуналки – партийный деятель **Шалва Степанович Окуджава** и его жена **Ашхен Степановна Окуджава** (урожд. Налбандян, родственница армянского поэта Ваана Терьяна). Здесь, а точнее в роддоме акушера Григория Грауэрмана (**Новый Арбат, 2**), в 1924 г. родился их сын – будущий поэт, прозаик, сценарист и композитор, лауреат Госпремии СССР (1991) и премии «Русский Букер» (1994) – **Булат Шалвович Окуджава**.

Здесь маленького Булата втайне от родителей-коммунистов водила в храм Христа Спасителя его русская нянька «из крестьянок», которую мать поэта, узнав об этом, выгнала из дома. Нянька, по воспоминаниям, была «добрая, толстененькая, круглолицая, голубые глазки со слезой» и звала ребенка «цветочек». Сюда маленький Булат вернулся из Тбилиси в середине 1920-х гг. с домашним прозвищем Кукушка, то ли от его агуканья, то ли от того, что его, «как кукушонка, постоянно подкидывали в другие семьи». Но уже в школе – «цветочек» и «кукушонок» – почти сразу стал лидером. Как вспоминал его одноклассник, именно Булат, еще в 12–13 лет, предложил мальчишкам «организовать шумовой оркестр». Играли карандашами на зубах (это был ксилофон), на расческе с папиросной бумагой изображали гавайскую гитару, а губами имитировали трубу, тромбон и даже саксофон. И хоть школьный врач бегал в истерике, что дети «испортят

эмаль и останутся без зубов», дело Булат довел даже до концертов на школьных вечерах. И тогда же, мальчишкой, втайне начал писать дома первый роман.

Детство «дворянина с арбатского двора» тоже закончилось в этом доме. Здесь в 1938 г. поздно ночью была арестована мать поэта. Позже в интервью Юрию Росту Окуджава признался, что уже без матери жил здесь с бабушкой и братом впроголодь: «Страшно совершенно. Учился я плохо. Курить начал, пить, девки появились. Связался с темными ребятами. У меня образцом молодого человека был московско-арбатский жулик, блатной. Сапоги в гармошку, тельняшка, пиджачок, челочка и фикса золотая. Потом, в конце 40-го, года тетка решила меня отсюда взять... Отбился от рук...»

Увы, главной причиной бегства из этого дома в Тбилиси было не это – ему исполнилось уже 15, а по приказу Н. И. Ежова от 1937 г. – «О репрессировании жен и детей изменников Родины» – НКВД предписывалось арестовывать подростков как раз с 15 лет... Через 20 лет он напишет в стихах: «А пожарище разгорается. // Черт с тобою, гори, мой дом! // Беды частные не караются // На земле никаким судом...»

Но дом стоит доныне. И 8 мая 2002 г. здесь, на углу Арбата и Плотникова переулков, был установлен ростовой памятник Б. Ш. Окуджаве (скульп. Г. Франгулян).

15. Арбат ул., 44 (с. п.), – Ж. – в 1800-е гг. – Пелагея

Денисовна Тютчева (урожд. Панютина) – бабушка поэта Ф. И. Тютчева, у которой бывал родившийся в 1803 г. юный поэт. Деда своего, секунд-майора Н. А. Тютчева, поэту увидеть не довелось, он скончался в 1797 г. А позже здесь, в доме майора **Петра Евграфовича Кикина** и его жены **Марии Робертовны Кикиной** (урожд. Портер), бывал в 1830-х гг. и Александр Пушкин. В этом же доме жил в 1910-х гг. литературовед, критик, переводчик **Борис Александрович Грифцов**.

И, наконец, здесь же, с 1922 по 1944 г., жил в коммунальной квартире прозаик, драматург, переводчик, либреттист, теоретик искусства и философ **Сигизмунд Доминикович Кржижановский**. Здесь встречался с женой, жившей отдельно, – актрисой МХТ и мемуаристкой **Анной Гавриловной Бовшек**.

Ныне издано шесть томов его сочинений. Но одно из произведений Сигизмунда Кржижановского не только связано с этим домом, но и невероятно таинственно. В нем рассказывается, как к жильцу 8-метровой комнатки 20-го этажа пришел однажды незнакомец и предложил средство по «расширению жилплощади» – тубик порошка «Квадратулин». Благодаря порошку каморка его стала не по дням, а по часам расширяться, и скоро он не мог разглядеть вдали даже противоположную от его кровати стену. Соседи по коммуналке ничего этого не почувствовали, но когда он, погибая, закричал от ужаса, вбежали к нему, но в темной пустыне необъят-

ной «жилплощади» не смогли отыскать даже его тела.

Арбатские соседи: поэт Н.И. Глазков

Это один из фантастических рассказов писателя, который так и называется – «Квадратури́н» (1926). Надо ли добавлять, что и сам писатель прожил больше 20 лет как раз в 8-метровой комнате этого дома. В ней умещались лишь кровать, стол, стул, коврик, книги на полках и две акварели, подаренные ему Максом Волошиным. Живя здесь, Кржижановский («прозванный гений», по словам Г. А. Шенгели, прозаик, которого ставят сегодня в один ряд с Платоновым и Булгаковым) преподавал в студии Камерного театра, служил редактором в издательстве «Энциклопедия», печатал рассказы, писал киносценарий фильма «Праздник святого Йоргена» (1929), который поставил Я. А. Протазанов, а также инсценировку «Евгения Онегина» на музыку С. С. Прокофьева и либретто оперы «Кола Брюньон» Д. Б. Кабалевского (1938). Сюда приходили к нему Булгаков, Форш, Антокольский, Шенгели, литературоведы С. Д. Мстиславский, С. А. Макашин, И. Г. Левидов, Е. Л. Ланн, И. Г. Лежнев и многие другие.

«Писатель должен быть там, где его тема», – сказал он в 1941-м, когда ему предложили уехать в эвакуацию, и – остался в прифронтовой Москве. Он все видел и все понимал. «У нас слаще всего живет Горькому, – заметил как-то не без грусти, – а богаче всех Бедному...» Он умер в 1950 г. в реальной бедности и горести в своей последней квартире (Зем-

ледельческий пер., 3.). В такой бедности, что московская могила его до сих пор не найдена.

Ну, а мне остается добавить, что в этом же доме с 1942 г. жил прозаик, разведчик, полковник, партизан, Герой Советского Союза (1944) **Дмитрий Николаевич Медведев.** И здесь же прожил почти 60 лет, до 1974 г., поэт, переводчик, актер, основатель литературного течения «небывалистов» (1939, совместно с поэтом Ю. Долгиным) – **Николай Иванович Глазков** и его вторая жена, художница-керамист **Росина Моисеевна Глазкова.** После войны, после окончания Литинститута (1946) Н. И. Глазков нищенствовал, пил, работал грузчиком, носильщиком, пильщиком дров («Живу в своей квартире // Тем, что пилю дрова. // Арбат, 44, // Квартира 22...»), а первый сборник его стихов вышел лишь в 1957 г. До этого, начиная с 1940-х гг., изготавливал самодельные книги стихов, ставя на них слово «самсебяиздат», положив, если хотите, начало такому явлению, как «самиздат».

16. Арбат ул., 45/24 (с.), – жилой дом (1935, арх. Л. М. Поляков). **Ж.** – с 1935 по 1942 г., по год смерти – поэтесса, прозаик, мемуаристка, участница покушений на Александра II в 1879–1881 гг., деятельница революционного движения, одна из руководительниц Политического Красного Креста – **Вера Николаевна Фигнер** (в замуж. Филиппова).

Женщина фантастической биографии, она, по ее призна-

нию, получила от друга по «Народной воле» Ф. Н. Юрковского («Сашки-инженера») прозвище Топни-ножка. Когда впоследствии писатель Вересаев спросил ее о происхождении этой клички, суровая Фигнер улыбнулась: «Потому что красивые женщины имеют привычку топтать ножкой...» А ведь эта красивая женщина была приговорена к смерти в 1884 г. и девять дней ждала в камере исполнения приговора. Но как раз в тюрьме и начала писать стихи, а стиль ее статей хвалил потом сам Бунин: «Вот у кого надо учиться писать!» И то сказать: главный ее труд – двухтомные мемуары «Запечатленный труд» – переиздают до сих пор.

Вера Фигнер – революционерка и поэтесса

В этом же доме жили: с 1936 по 1982 г. (мем. доска) – прозаик, поэтесса, литературовед, переводчица и мемуаристка,

Герой Социалистического Труда (1976), лауреат Сталинской (1951) и Ленинской (1972) премий **Мариэтта Сергеевна Шагинян** (Шагиньянц), поэт и переводчик **Аркадий Яковлевич Коц**, переложивший в 1902 г. на русский язык «Интернационал» Э. Потье. И здесь же, с 1935 по 1954 г., жил литературовед, философ, первый биограф Михаила Булгакова **Павел Сергеевич Попов** и его жена – внучка Л. Н. Толстого – **Анна Ильинична Попова**, близкие друзья писателя.

Наконец, в этом же доме с 1935 по 1938 г. жил нарком внутренних дел, генеральный комиссар Госбезопасности **Николай Иванович Ежов** и его жена – журналистка, гл. редактор журнала «СССР на стройке» и «Иллюстрированной газеты», а также держательница домашнего «литературного салона» Евгения Соломоновна Хаютина-Гладун-Ежова (урожд. Фигинберг). Ныне известно – «салон» ее посещали И. Э. Бабель, И. И. Катаев, С. Я. Маршак, Л. А. Кассиль, М. Е. Кольцов, Л. О. Утесов, С. М. Михоэлс и многие другие.

Исаак Бабель познакомился с Хаютиной-Гладун еще в начале 1920-х, когда она не была даже знакома с будущим наркомом Ежовым. Тогда же они стали любовниками, и всю оставшуюся жизнь Бабель встречался с ней, бывал в ее «наркомовских» литературных салонах по предыдущим московским адресам (**1-й Неопалимовский пер., 1; Мал. Палашевский пер., 4**) и признавался, что посещал их в том числе

из-за жгучего интереса к жизни и работе чекистов (пишут, что он собирал материал для романа о работе ОГПУ-НКВД). Но ни он, ни сама Хаятина, ни, разумеется, всемогущий нарком-палач и в страшном сне не могли представить, что их имена окажутся рядом в обвинительных заключениях.

Еще недавно, в 1937-м, Бабель в дружном хоре советских писателей клеймил в «Литературке» Радека, Сокольников, Пятакова и Авербаха со товарищи. «Скоро двадцать лет, как Союз Советов, страну справедливого и созидательного труда, ведет гений Ленина и Сталина, гений, олицетворяющий ясность, простоту, беспредельное мужество и трудолюбие, – писал в газете. – Этой работе люди, сидящие на скамье подсудимых, противопоставляют свою "программу". Мы узнаем из этой "программы", что надо убивать рабочих, топить в шахтах, рвать на части при крушениях...» И вот:

«Следствием по настоящему делу, – говорится в обвинительном заключении Бабея, – установлено, что еще в 1928–29 гг. Бабель вел активную контрреволюционную работу по линии Союза писателей... знал о контрреволюционном заговоре, подготовленном Ежовым... вошел в заговорщицкую организацию, созданную женой Ежова – Гладун (Хаятина) и по заданию Ежовой готовил террористические акты против руководителей партии и правительства... Изобличается показаниями репрессированных участников заговора – Ежова Н. И., Гаевского, Пильняка, Гладун и Урицкого. На основании вышеизложенного...» и – дальше приговор – смертная

казнь...

Его любовь – Женя Хаятина покончила с собой, отравилась в предчувствии неизбежного ареста. Но судьба и после смерти «свела» всех троих. Расстрелянные Бабель и Ежов были сожжены в крематории Донского монастыря и там же захоронены в общей яме. Но поэт, прозаик, литературовед и журналист В. А. Шенталинский, расследовавший эту историю, неожиданно для себя нашел рядом, на кладбище Донского монастыря, и могилу Евгении Соломоновны Хаятиной. «И после смерти, – напишет он в одной из своих книг, – они все трое – Бабель, Ежов и эта женщина – оказались рядом...»

17. Арбат ул., 51 (с.) – доходный дом Панюшева (1910-е гг., арх. В. А. Казаков). **Ж.** – с 1919 по 1926 г., в трехкомнатной квартире 89, во флигеле двора – литературовед, историк литературы **Петр Семенович Коган** и его жена – детская писательница, переводчица, мемуаристка **Надежда Александровна Нолле-Коган**, адресат писем и стихов Александра Блока. В этой квартире в 1921 г. ночевал поэт **Николай Степанович Гумилев**. Бывали поэты Цветаева, Волошин, Вячеслав Иванов, Чулков, Алянский, Майя Кудашева (урожд. Кювилье, во втором замужестве – Роллан) и многие другие. Но главное, в этой квартире дважды, в 1920 и в 1921 г., останавливался и **Александр Александрович Блок** – это последний адрес поэта в Москве.

Детская писательница и переводчица Н.А. Нолле-Коган

Отсюда он, уже смертельно больной (без палки и ходить

не мог), отправился в Петроград умирать. «Прощайте, да теперь уже прощайте!» – сказал он из окна поезда, когда Надя Нолле-Коган, влюбленная в него с 1913 г., провожала его на вокзале. «Я обомлела, – напишет она в воспоминаниях. – Какое лицо! Какие мученические глаза! Я хотела что-то крикнуть, остановить, удержать поезд, а он все ускорял свой бег, все дальше и дальше уплывали вагоны, окно – и в раме окна незабвенное, дорогое лицо...»

В доме Нади Блок прожил в общей сложности две недели. Здесь подолгу говорил по телефону со Станиславским (речь шла о постановке его пьесы «Роза и Крест»), сюда, в этом дом, некая «незнакомка» принесла ранним утром и передала ему ветку яблони в цветах и две искусно сделанные куклы Арлекина и Пьеро и, живя в этом доме, вместе с беременной сыном Надей, нашел и полюбил «заветную скамью» у храма Христа Спасителя, на берегу реки, где они часто читали друг другу стихи. Наконец, отсюда поэт ходил на последние выступления в Москве, пока в нынешнем Доме журналиста ему не бросили с эстрады: «Товарищи! Где динамика? Где ритмы? Все это мертвечина, и сам Блок – мертвец...» Вот тогда, глубокой ночью, он, с хрустом сломав в пальцах карандаш, и бросил хозяйке дома: «Больше стихов писать никогда не буду...»

Наконец, в этом же доме в 1922 г. жил поэт-имажинист **Вадим Габриэлевич Шершеневич**. Позднее, в 1920–30-е и в 1950-е гг., здесь же (кстати, на той же лестничной пло-

щадке, что и П. С. Коган) поселился прозаик **Анатолий Наумович Рыбаков** (Аронов). Ему, а не Блоку, висит на фасаде дома мем. доска.

Остается добавить, что в этом же доме жили также: поэт и прозаик, председатель литгруппы «Перевал» **Николай Николаевич Зарудин** (до ареста и расстрела в 1937 г.), поэтесса, прозаик, врач, лауреат Сталинской премии (1951) – **Галина Евгеньевна Николаева** (Волянская), прозаик, журналист, редактор газеты «Красная Звезда», генерал-майор **Давид Иосифович Ортенберг**, мемуаристка (воспоминания о ГУЛАГе) **Ольга Львовна Адамова-Слиозберг**, а также академики-историки **Милица Васильевна Нечкина** и трижды лауреат Сталинских премий (1942, 1943, 1945) **Евгений Викторович** (Григорий Вигдорович) **Тарле**.

18. Арбат ул., 53 (с. п., мем. доска), – дом Н. Н. Хитрово, с 1986 г. – «Мемориальная квартира А. С. Пушкина на Арбате». **Ж.** – с февраля по май 1831 г., в 5 комнатах на 2-м этаже – **Александр Сергеевич Пушкин** (жил до и после венчания с **Натальей Николаевной Гончаровой**).

17 февраля 1831 г., за день до венчания поэта в церкви Большого Вознесения (**Бол. Никитская, 36**), до того, как порог этого дома переступила восемнадцатилетняя **Наталья Николаевна Гончарова**, Пушкин, позвав близких друзей, устроил здесь «мальчишник». По воспоминаниям Ивана Киреевского, поэт в тот вечер был необыкновенно пе-

чален, так что гостям его стало даже неловко. Читал стихи, но напечатанными их Киреевский потом так и не видел.

А потом, после венчания в церкви, Пушкина встречали здесь, на лестнице, с иконой в руках покинувшие обряд раньше – Петр Вяземский и все тот же Павел Нащокин. Видели ли они, что во время венчания Пушкин, нечаянно задев аналой, уронил крест, а при обмене кольцами одно из них упало?.. Плохие приметы – поэт, напишут свидетели, побледнел. Но уже вечером того дня здесь, на 2-м этаже этого дома, состоялся ужин для родных и самых близких друзей. Веселый ужин. Через неделю напишет отсюда: «Я женат и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился». А про красоту жены своей (как признавался, 113-й любви его) скажет так, как мог только он. Скажет, что рядом с ней все признанные красавицы выглядят так, как выглядели бы «рядом с поэмой... словари».

Пушкин заплатит за эту квартиру на полгода вперед, но проживет в ней неполных четыре месяца. Нащокин вспоминал, что оставшихся денег за заложенное имение (17 тыс.) ему хватило лишь на три месяца, а затем он был вынужден закладывать у ростовщика бриллианты жены, которые так и остались невыкупленными. Кроме того, резко обостряются отношения с тещей, Натальей Ивановной, которая вторгалась в жизнь молодых. Именно из этой квартиры поэт однажды в ярости даже выгнал тещу. Потом из Петербурга напишет ей: «Я был вынужден оставить Москву во избежание всяких дразг, которые в конце концов могли бы нарушить более чем одно мое спокойствие; меня изображали моей жене как человека ненавистного, жадного, презренного ростовщика; ей говорили: с вашей стороны глупо позволять мужу и т. п. Сознайтесь, что это значит проповедовать развод... Я представлял доказательства терпения и деликатности; но, по-видимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствие и сумею его обеспечить. При моем отъезде из Москвы, вы не сочли нужным говорить со мною о делах; вы предпочли отшутиться насчет возможности развода или чего-нибудь в этом роде...»

А вообще Арбат не только начало, но и почти конец семьи Пушкиных. Мало кто помнит, что в нескольких сотнях метров, в сохранившемся донныне доме (**Сивцев Вражек, 16**),

скончалась в 1919 г., в возрасте 87 лет, старшая и бездетная дочь Пушкиных **Мария Александровна Гартунг**, чей лик Лев Толстой «увековечил в описании внешности Анны Карениной». Толстой придал Анне Карениной знаменитые «арабские завитки на затылке» дочери Пушкина. И отсюда так же недалеко (**Никольский пер., 16**) жил и умер в 1914 г. сын поэта – Александр Александрович Пушкин.

Сам же дом А. С. Пушкина (хозяевами которого после смерти Е. Н. Хитрово стали сначала купец П. И. Борежер, а затем купеческая семья И. В. Патрикеева) уже в конце 1880-х гг. перешел к юристу, брату композитора – **Анатолию Ильичу Чайковскому**. **Петр Ильич Чайковский** в 1884–1885 гг. неоднократно останавливался здесь.

В советское время здесь располагался Окружной театр Красной армии (режиссер В. Л. Жемчужный, ведущий актер – Э. П. Гарин). Здесь, в коммунальной квартире, жил режиссер и сценарист **Виталий Леонидович Жемчужный** и его жена – библиотекарь **Евгения Гавриловна Жемчужная** (урожд. Соколова), с 1925 г. – любовница и на долгие годы близкий человек литературоведу, критику, сценаристу и мужу Лили Брик – Осипу Брику. Последний назвал встречу с Жемчужной «чудом» и к 20-летию их знакомства признался, что «если бы верил в Бога, упал бы перед ним на колени за то, что их с Женей пути пересеклись» (см. **Мал. Бронная ул., 21/13**). Жемчужная переживет Брика на 40 лет и умрет в 1982 г.

19. Арбат ул., 55 (с. н., мем. доска), – дом приват-доцента университета Н. И. Рахманова (1877, арх. М. А. Арсеньев). Ныне музей-квартира Андрея Белого (отдел Государственного музея А. С. Пушкина). **Ж.** – в 1870 –1900-х, в трехкомнатной квартире на 3-м этаже – профессор математики **Николай Васильевич Бугаев** и его жена – «просто красивая женщина» **Александра Дмитриевна Бугаева** (урожд. Егорова). Здесь 14 октября 1880 г. родился и жил до 1906 г. их сын – будущий поэт, прозаик, критик и мемуарист **Андрей Белый** (Борис Николаевич Бугаев). Здесь дебютировал в литературе, выпустил две книги: «Симфония (2-я, драматическая)» (1902) и «Северная симфония (1-я, героическая)» (1904), сборник стихов «Золото в лазури» (1904), а также повесть «Возврат» (1905).

«Мемориальная квартира Андрея Белого»
(Арбат, 55, 3-й этаж)

В это трудно поверить, но многие страницы этих книг были написаны на сохранившемся и поныне балконе 3-го этажа, куда поэт выносил по ночам столик, а также свечу или керосиновую лампу. Кстати, псевдоним «Андрей Белый» он получил в этом же доме, но в квартире на 2-м этаже, где жили **Михаил Сергеевич Соловьев** (сын знаменитого историка и брат поэта, философа Владимира Сергеевича Соловьева), его жена, художница **Ольга Михайловна Соловьева** (урожд. Коваленская) и их сын – будущий поэт и священник **Сергей Михайлович Соловьев**. Именно старший Соловьев накануне выхода первой книги соседа Бори, который хотел подписать ее псевдонимом «Буревой», предложил ему назвать себя «Андрей Белый».

Это лишь одна из тайн, связанная с этим домом. Главной тайной стало противоборство родителей Андрея Белого, причиной которого был именно он, сын. Вообще дом Бугаевых буквально дышал литературой. К отцу поэта приходили сюда: Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, филолог Я. К. Грот, историк литературы А. Н. Веселовский, социолог, переводчик К. Маркса М. М. Ковалевский и многие другие. Но это лишь подогревало семейную «битву за сына». «Я надеюсь, – посмеивался отец, – что Боря выйдет лицом в мать, а умом – в меня». А мать, сопротивляясь влиянию отца, до восьми

лет наряжала будущего поэта в девичьи платья и отращивала ему кудри до плеч. «Каждый тянул меня в свою сторону, — вспоминал Белый. — Они разорвали меня пополам...»

Здесь поэт платонически влюбился в Маргариту Морозову, жену купца и мецената Михаила Морозова, и буквально выслеживал ее кареты. Пошлет ей письмо: «Вы — моя заря будущего. Вы — философия новой эры...», и подпишет его: «Ваш рыцарь». Потом станет завсегдатаем ее дома, «салона Морозовой» (**Смоленский бул., 26**). Наконец, сюда к Белому, еще студенту, придет с женой Александр Блок, с которым познакомились «по переписке» (их первые письма друг к другу натурально «пересеклись в Бологом»). И здесь с 1903 по 1907 г. Белый будет собирать кружок московских символистов, которому дадут название «Аргонавты». До 1906 г. в этом доме бывали у него: Вячеслав Ив. Иванов, Мережковский и Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, Волошин, Балтрушайтис, Гершензон, Философов, Шпет и многие другие.

Еще одной «оглушительной» тайной этого дома стал выстрел, прогремевший ночью 1903 г. в нижней квартире, у Соловьевых. Я бы назвал его «выстрелом любви», ибо, когда Михаил Соловьев скончался от инфлюэнцы, его жена — красавица-художница, «правдоискательница... пытавшаяся поймать тайну жизни», крикнув «Кончено!», выйдя в соседнюю комнату, застрелилась. Именно Белый, которому буквально накануне в этой семье сказали: «Вы — писатель», разбуженный той ночью, понесет по пустому Арбату горестную

весть сыну Соловьевых, своему другу Сергею – ночевавшему у знакомых.

И уж конечно «тайна тайн», почему оба – Андрей Белый и Сергей Соловьев – женятся на родных сестрах – Асе и Тане Тургеневых. Андрей Белый, «изжив» любовь к жене Блока – Менделеевой-Блок, а Сергей, кстати, троюродный брат Блока по матери, – после несчастной любви к Соне Гиацинтовой, будущей актрисе, из-за которой будет пытаться выбраться из окна.

Тайны, не разгаданные по сей день, будут сопровождать обоих и дальше. Андрей Белый, как предсказывал в стихах, умрет якобы от «солнечного удара», полученного в Крыму, а священник, доктор богословия Сергей, пройдя аресты и психушки, скончается в 1942-м в Казани, и хоронить его будут, «обнимая руками гроб из-за тряски саней», представьте, двое молодых ученых Физического института АН СССР, эвакуированного в Казань, один из которых, В. Л. Гинзбург, станет в будущем нобелевским лауреатом.

20. Арбат Новый ул., 12/15 (с. п.), – дом, выходящий на две улицы: Новый Арбат и Бол. Молчановку. **Ж.** – в 1870-е гг. – поэт, публицист, «пророк славянофильства», редактор еженедельника «День» (с 1861 г.), газет «Москва» (1867) и «Русь» (1880–1886), председатель московского Славянского комитета (1875–1878) и Общества любителей российской словесности (1872–1874), гласный городской думы (1877–

1880) – **Иван Сергеевич Аксаков** (третий сын писателя С. Т. Аксакова) и его жена – фрейлина, мемуаристка **Анна Федоровна Аксакова** (урожд. Тютчева, первая дочь поэта). Вообще жили, переезжая, в семи московских домах (**Мал. Дмитровка, 27; Спиридоновка, 25; Ружейный пер., 2; Бол. Дмитровка, 7/5; Бол. Никитская, 13;** до дома на Волхонке, 14, где И. С. Аксаков скончается в 1886 г.).

«Пророк славянофильства» – поэт Иван Аксаков...

... и его жена – Анна Аксакова (урожд. Тютчева)

Брак 37-летней Анны и яркого славянофила И. С. Акса-

кова не был случайностью. Аксаков был уже известен и своей публицистикой, и «прославянскими выступлениями», которые привели к тому, что он был выдвинут болгарами, представьте, на болгарский престол. А Тютчева, дочь немки и уже знаменитого поэта, родившаяся и прожившая половину жизни в Германии, до глубины души была патриоткой России и помнила слова-напутствие отца: «Ты найдешь в России больше любви, нежели где бы то ни было в другом месте... Ты будешь горда и счастлива, что родилась русской...»

Впрочем, отношения Тютчева и его дочери не были безоблачными. Анна, еще при дворе получившая прозвище Ерш, писала про отца: «Он представляется мне одним из тех недоступных нашему пониманию изначальных духов, что исполнены разума, пронизательности и огня, однако лишены души, хотя и с материей не имеют ничего общего... Он поражает воображение, но есть в нем что-то жуткое, тревожное...» И звала его «воплощенным парадоксом». А поэт, в свою очередь, когда в январе 1866 г. дочь выходила замуж за Аксакова, намекая на редактируемую женихом газету «День», язвительно отозвался о молодоженах: «У него был скверный "День", а теперь будет скверная ночь...»

Мало кто знает, что именно Аксаков не только напишет биографию Федора Тютчева, но еще в 1868-м предпримет издание всего лишь второй за жизнь книги стихов Тютчева, на которое тот «дал согласие из чувства лени и безразличия», а после выхода сборника отозвался о книге «как о весь-

ма ненужном и весьма бесполезном издании». И мало кто помнит, что Тютчева, выйдя замуж за Аксакова, сумела стать «законодательницей славянофильских салонов», или, по выражению Ивана Тургенева, – «неумолимой громовержницей». «Величайшей редкостью» среди женщин назвал Тютчеву за ее ум поэт и философ Владимир Соловьев, познакомившийся с ней позже. «Унаследовав от своего отца живой и тонкий ум при высоком строе мыслей и при большой чуткости ко всему хорошему, – напишет в воспоминаниях, – она соединяла с этим недостававшую ее отцу силу характера, германское прямодушие и серьезную добросовестность во всех нравственных вопросах... При большой сердечной доброте, она менее всего была похожа на овечку... Потому что была полна нравственной брезгливости», которая выражалась «в яростных вспышках...». Недаром иные исследователи считают ныне, что Лев Толстой, прекрасно знавший эту семью, списал с фрейлины Анны Тютчевой Анну Павловну Шерер в романе «Война и мир».

А. Ф. Тютчева пережила мужа на три года, скончалась в 1889 г., но успела выполнить данное мужу обещание – собрать все его литературное наследство и издать семь томов его сочинений.

21. Арбат Новый ул., 22 (с.), – Ж. – в 1960–80-е гг. – драматург, сценарист, лауреат Госпремии СССР (1980), организатор театральной студии (впервые в 1939 г.) – **Алексей**

Николаевич Арбузов. Жил также в **Копьевском пер., 3** (1930-е гг.), на **Тверской ул., 28**, и, видимо, последний адрес – **Красноармейская 21—23**.

Потомок декабриста А. П. Арбузова, сын дворянина и прозаика Н. К. Арбузова, драматург Алексей Арбузов видел Блока, выступающего в петербургском БДТ, учился у Гайдебурова и Мейерхольда, в 1939 г., вместе с Плучеком организовал театральную студию («Арбузовская студия»), которая превратилась во фронтовой театр, и тогда же написал свою знаменитую пьесу «Таня», главную героиню в которой сыграла великая Бабанова. Потом будут пьесы «Город на заре» (1940), «Иркутская история» (1959), «Мой бедный Марат» (1965), «Жестокие игры» (1978).

Участники театральной «Арбузовской студии»

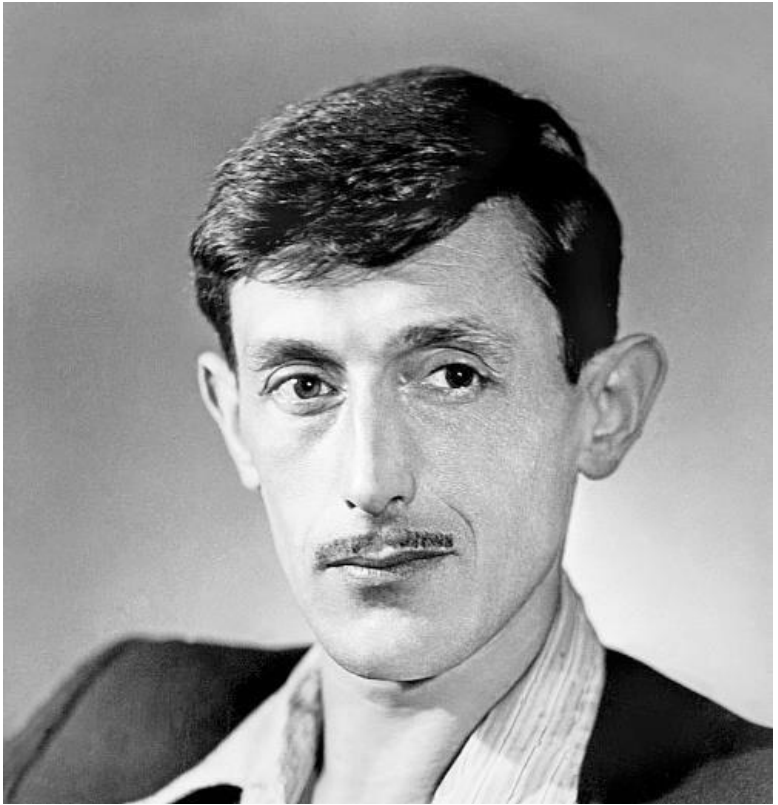
Но в этом доме на Арбате им была написана пьеса фактически про этот дом: «Сказки старого Арбата» (1970), в которой 60-летний художник создает куклы, думает о старости и влюбляется в двадцатилетнюю девушку. Здесь создал студию молодых драматургов, которая просуществовала 15 лет и в которой учились Л. С. Петрушевская, В. И. Славкин, М. Г. Розовский, А. З. Ставицкий, А. С. Родионова, А. Я. Инин, В. П. Коркия, А. Л. Кучаев, А. О. Ремез, О. А. Кучкина и многие другие. Пьесу «Жестокие игры» он написал как раз о молодых и посвятил ее именно студийцам. «Вы все будете на афишах...» – пророчески говорил он студийцам. И так ведь

и случилось.

22. Арбат Новый ул., 23/7 (с.), – Ж. – с 1929 по 1996 г. – драматург, киносценарист **Семен Львович Лунгин** (сценарии фильмов, совместно с И. И. Нусиновым: «Мичман Панин», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Агония»), его жена – филолог, мемуарист, переводчица (книги «Малыш и Карлсон», «Пеппи Длинныйчулок» А. Линдгрена и др.) **Лилианна Зиновьевна Лунгина** (урожд. Маркович), а также один из сыновей их – сценарист и кинорежиссер **Павел Семенович Лунгин**.

В квартире Лунгиных неоднократно останавливался и жил, приезжая из Киева, прозаик, киносценарист, лауреат Сталинской премии (1947) за повесть «В окопах Сталинграда» – **Виктор Платонович Некрасов** и его жена – **Галина Викторовна Базий**. Здесь появился исключенным из КПСС в 1973 г. и отсюда уехал в эмиграцию в 1974-м. Но мало кто помнит ныне, что в 1930-е гг. Некрасов жил в Москве по адресу: **Садовая-Кудринская ул., 6, стр. 1**. В том, «чеховском», доме он останавливался с матерью – врачом **Зинаидой Николаевной Некрасовой** (урожд. Мотовиловой), которая была внучкой шведского барона, российского подданного, генерала Антона Вильгельма фон Эрна, венецианских дворян Флориани и – это кажется невероятным! – дальней родней Анны Ахматовой. Да и в Париже, куда Некрасов эмигрирует в 1970-е гг., он уже бывал раньше – был годова-

лым ребенком в 1912 г., когда его мать до 1915 г. жила там и общалась с русскими политэмигрантами, в частности, как пишут, – с Анатолием Луначарским, жившим в том же доме.

Прозаик-фронтовик Виктор Некрасов

Сам, кстати, Виктор Некрасов, став архитектором (он, например, автор архитектурной лестницы к Аскольдовой могиле в Киеве), в 1930-х переписывался со знаменитым парижанином – архитектором Ле Корбюзье. А среди многих причин вынужденной эмиграции его (борьба за установку памятника расстрелянным евреям в Бабьем Яру, подписание оппозиционных писем, громкие выступления и пр.) была и статья в «Известиях» (20.1.1963) Мэтора Стуруа о заграничной поездке Некрасова – «Турист с тросточкой». С «тросточкой», кто не знает, потому что первым ранением на фронте он получил пулю в бедро. В этой статье писателю припомнили и «битву на Волге», и «низкопоклонство» перед Западом, и даже – знакомство с Корбюзье.

В. НЕКРАСОВ

В ОКОПАХ
СТАЛИНГРАДА

Похоронен В. П. Некрасов на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, и в могильный камень друзья писателя вставили крупный снарядный осколок, подобранный Виктором Некрасовым на Мамаевом кургане в Сталинграде, где он воевал.

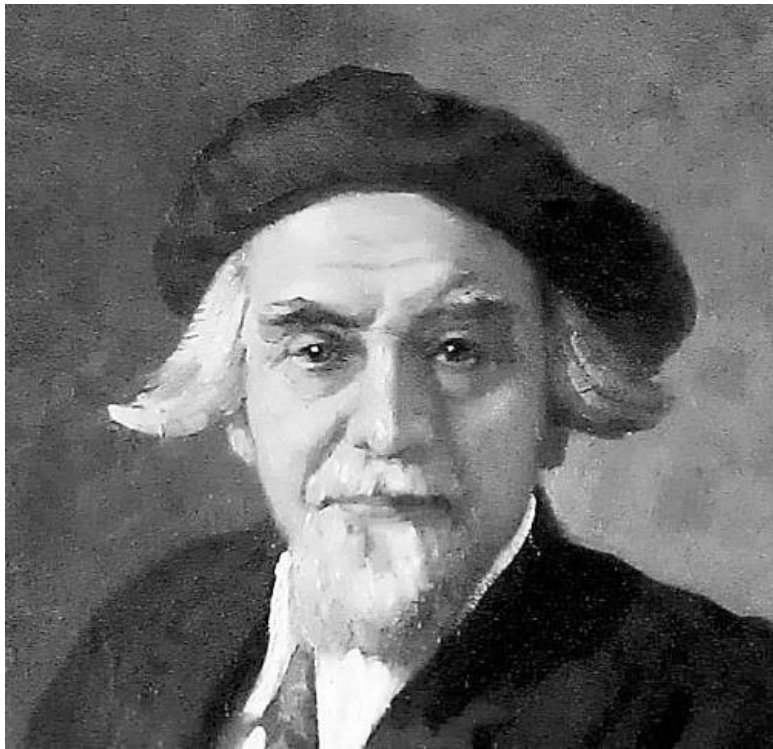
23. Армянский пер., 1/8 (н. с.), – дом отставного прапорщика Г. Лачинова, потом с 1782 г. – гр. В. Ф. Санти. **Ж.** – **Екатерина Львовна Тютчева** (урожд. Толстая), мать поэта Федора Тютчева, которая приобрела этот дом в 1831 г. (сюда приходили письма поэта из-за границы, хотя сам в этом доме он не бывал). Позднее, в 1856 г., и дом, и участок приобрели публицисты, издатели журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков и П. М. Леонтьев. Тут располагались и редакции изданий, и типография. **Б.** – М. Е. Салтыков-Щедрин, П. И. Мельников-Печерский, С. Т. Аксаков, И. С. Гончаров, С. М. Соловьев, поэт Н. Н. Страннолюбский и др.

Позже, в 1901 г., на этом месте был выстроен ныне существующий дом. В нем с 1908 по 1911 г., жил философ, критик, публицист **Николай Александрович Бердяев** и его жена – поэтесса, мемуаристка **Лидия Юдифовна Бердяева** (урожд. Трушева, в первом браке – Рапп).

Здесь Николай Бердяев, переживший уже политическую

ссылку с 1900 по 1903 г., писал и публиковал книги: «Духовный кризис интеллигенции» (1910) и «Философия свободы» (1911). Здесь же устраивал домашние «вторники», на которые собирались ученые, поэты и прозаики, политические деятели. У Бердяева была, правда, одна неприятная физиологическая особенность. «Во время речи, – вспоминал будущий литературовед Константин Локс, – у него высовывался язык и дергался во все стороны. Язык был огромный, красный, он то прятался, то внушал присутствующим ужасные чувства. Ходил слух, что язык стал высовываться после того, как Бердяев увидел дьявола. Сам он мне (действительно) рассказывал, как однажды ночью обнаружил у себя под кроватью кучу дьяволов и, спасаясь от них, выскочил на лестницу...»

Портрет Николая Бердяева
Н. Попов

Оставим «дьяволов под кроватью» на совести мемуариста, но среди гостей и тех, кто останавливался у Бердяева, и впрямь случались мистики. Так, в доме Бердяевых появится и проживет три дня довольно мрачный и таинственный че-

ловек. Бердяев позже, в «Самопознании», назовет его имя – «доктор Любек».

«Вот, вы все радуетесь, – говорил Любек Лидии Бердяевой... – Слепые! Наступает ужасная пора... Катаклизм, целый мир рушится...» Лидия Бердяева вспоминала о Любеке. «Он поражал своим исключительным вниманием к людям, добротой, чуткостью, необыкновенной проницательностью. О людях, которых он видел в первый раз в жизни, он говорил так, как будто он знал всю их прошлую жизнь. На одном из собраний, вечером... когда в большой столовой, ярко освещенной старинной люстрой, царило оживление, веселый смех... д-р Любек сидел молча, грустно склонив голову... "Мне очень не хочется... нарушать веселое настроение ваших друзей, но то, что я вижу, очень страшно... Скоро, очень скоро над Европой пронесется ураган войны. Россия будет побеждена. После поражения Россия переживет одну из самых грандиозных мировых революций". Тут, – продолжает Бердяева, – он обратился к Н.А. (Бердяеву. – *В. Н.*): "Вы будете избраны профессором Московского университета". – "Этого не может быть, – ответил, смеясь, Н. А. – У меня нет докторской степени..." – "Вы скоро увидите... прав ли я..."»

Возможно, на этом вечере Лидия вдруг спросила мистика: почему ей показалось, что, когда он вошел, она под его плащом увидела старинный меч?.. Он, пишет она, побледнел. «Как странно, что вы это увидели. Этот меч я когда-то держал в руках. Это было давно, в Средние века. Однажды я

видел себя в зале старинного замка, около меня стояла прекрасная женщина. Защищая ее таким мечом, я убил человека... Воспоминание это преследует меня с детства, я не могу видеть и прикоснуться к холодному оружию».

Такая вот «история». В это можно не верить, можно «списать» это на «мистическое время» и настроения, царившие среди интеллигенции. Но это написано в мемуарах Бердяевой, которую еще до встречи с философом также арестовывали как члена РСДРП, и подвергали ссылке. Она, как и ее муж, могла сказать о себе: «Я всегда была ничьим человеком... человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины». В скором будущем она увлечется житием св. Терезы Авильской и в 1918 г. перейдет в католичество. Но оба будут беззаветно преданы философии. Именно в этом доме, например, как пишет свидетель, Н. А. Бердяев, возвращаясь с какой-то лекции, упав на пороге и сломав себе ногу, тем не менее, «когда его вносили в дом», продолжал спорить со своим спутником «на какую-то философскую тему...».

Через несколько лет, в последнем московском доме Бердяева (**Бол. Власьевский пер., 4**), его, философа и уже профессора (как и предсказывал доктор Любек), арестует ОГПУ и допрашивать будет лично Ф. Э. Дзержинский. Но Н. А. Бердяев, как пишут, и ему прочтет часовую «лекцию» о своих убеждениях. Именно часовую, смеялись знакомые, по привычке вечного педагога...

Остается добавить, что здесь, в доме в Армянском, быва-

ли на «вторниках» философа поэты и писатели Вяч. И. Иванов, А. Белый, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин (Ильин), В. Ф. Ходасевич, философы С. И. Булгаков, П. А. Флоренский, М. О. Гершензон, Л. И. Шестов (Шварцман), И. А. Ильин, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Г. А. Рачинский, О. А. Шор, сестры А. К. и Е. К. Герцык и многие другие.

24. Армянский пер., 9/1 (с.), – с 1924 г. – дом-коммуна ОГПУ. Ж. – в 1920–30-е гг. – прозаик, сценарист, журналист **Юрий Маркович (Кириллович) Нагибин**. В этом доме, в 1920 г., в коммунальной квартире писатель и родился.

Его мать – **Ксения Алексеевна Каневская**, чтобы скрыть дворянское происхождение сына (дворянином был ее первый муж, **Кирилл Александрович Нагибин**, расстрелянный в 1920 г. за участие в Курском мятеже), дала мальчику отчество своего второго мужа, адвоката **Марка Яковлевича Левенталя**. «Красавица невероятная», она не хотела ребенка («Я со всех шкафов прыгала, – говорила, – чтобы случился выкидыш. Но сын все равно родился»). Потом, в 1927 г., когда здесь арестовали и М. Я. Левенталю, она же, обожавшая Юру «до невозможности», связала свою жизнь с третьим мужем – писателем **Яковом Семеновичем Рыкачёвым**. Его тоже арестуют, но в 1937-м. Но именно он, как пишут ныне, и оказал влияние на писательскую будущность Юрия Нагибина.

Ю.М. Нагибин с матерью

Играл в футбол во дворе этого дома, хотел стать «агентом МУРа», но первый рассказ опубликовал в 1940-м и тогда же был принят в Союз писателей (поддержали юношу Олеша и Катаев). А в 1941 г., когда эвакуировали ВГИК, где он учился на сценарном, его мать, «острая на язык», вдруг сказала, «покусывая губы»: «Ты не находишь, что Алма-Ата несколько далека от тех мест, где решаются судьбы человечества?..» И он, поняв намек, пошел в военкомат. Был ранен на фронте и после госпиталя «заработал», как писал, «странную болезнь» с красивым именем «клаустрофобия» – боязнь закрытого пространства. С тех пор не мог бывать в гротах, под-

валах, даже в купе поездов.

Зато на «ниве любви» был открыт как никто. В этом еще доме женился в первый раз на дочери философа, профессора Литинститута В. Ф. Асмуса – **Марии Валентиновне Асмус**. Потом «проделал» этот кунштюк пять раз. Его даже прозвали «Синей Бородой» за то, что в свое «закрытое пространство» (а жил он после Армянского по разным адресам: **Звонарский пер., 13/5; Нащокинский пер., 3—5; ул. Черняховского, 4**) он привел сначала дочь директора ЗИЛа Валентину Лихачеву, потом Елену Черноусову, следом артистку эстрады Аду Паратову и поэтессу Беллу Ахмадулину.

Могу представить, как сводила с ума его жен, а Ахмадулину особенно, педантичность уже зрелого Нагибина. Последняя жена его ленинградская переводчица Алла Григорьева напишет потом: «Вставал в 7, делал зарядку, в 8 спускался вниз (на даче), – и, пишет она, – на столе должен был стоять легкий завтрак: геркулесовая каша на воде, три штучки кураги, два расколотых грецких ореха и чашка кофе. Если это было готово в четверть девятого, он очень сердился. Если обед запаздывал – а обедал он в два часа, – рвал и метал. После обеда отдыхал и снова работал до семи-восьми. Потом закрывал дверь кабинета и включал музыку... И включал на такую громкость, что голоса Паваротти или Миреллы Френи разносились по всему поселку...»

После смерти писателя (1994) Алла скажет про своего

бездетного мужа: «Я могла иметь от него детей. Но... после вторжения советских войск в Чехословакию... он сказал: "В этой стране я не хочу иметь детей". Он, — закончит она, — очень серьезно относился к продолжению рода...» Правда, в автобиографии для Пушкинского Дома, противореча себе, сам писатель подытожит: «Существует горделивая сен-тенция: "Если бы мне дано было начать жизнь сначала, я бы прожил ее точно так же". Не могу сказать этого о себе. Я считаю, что моя жизнь заслуживает одобрения лишь как черновик. Набело я прожил бы ее иначе...»

Впрочем, читайте его «Дневник»! Там все сказано о его «жизни-черновике».

25. Армянский пер., 11 (с. п., мем. доска), — с 1790 г. — дом капитана флота, кн. И. Гагарина (арх. М. Ф. Казаков). **Ж.** — с 1810 по 1829 г., в купленном у князей Гагариных доме — **Иван Николаевич Тютчев**, его жена — **Екатерина Львовна Тютчева** (урожд. Толстая) и шестеро детей их, в том числе семилетний **Федор**, будущий поэт и... дипломат.

Дипломат? Да, долгие годы работал в русском посольстве в Германии. Но мало кто помнит, что еще в Никоновской летописи упоминается его предок, «хитрый муж» Захар Тутчев, «которого Дмитрий Донской перед началом Куликовского побоища подсылал к Мамаю со множеством золота и двумя переводчиками для собрания нужных сведений».

Здесь же, в этом доме, наставником десятилетнего Федора

стал поэт, критик и переводчик, будущий учитель Лермонтова, Семен Раич, который напишет о Тютчеве: «Необыкновенные дарования и страсть к просвещению милого воспитанника изумляли и утешали меня; года через три он уже был не учеником, а товарищем моим, — так быстро развивался его любознательный и восприимчивый ум!»

Дом Тютчевых был открытый, гостеприимный. Среди гостей бывал здесь друживший с отцом Федора поэт Василий Жуковский, бывал профессор словесности А. Ф. Мерзляков, братья Тургеневы. 28 октября 1817 г. Жуковский записал в дневнике: «Обедал у Тютчева. Вечер дома. Счастье не цель жизни». Именно о счастье заспорили здесь за ужином. Через 20 лет Тютчев напишет Жуковскому: «Не вы ли сказали где-то: в жизни много прекрасного и кроме счастья. В этом слове есть целая религия, целое откровение». И слово, и понятие «счастье», судя по всему, будоражило поэта всю жизнь. Четыре стихотворения Тютчева, от ранних до предсмертного, начинаются с него: «Счастлив, кто гласом твердым, смелым...», «Счастлив, кто посетил сей мир...», «Счастлив в наш век, кому победа...» и «Счастлив, кому в такие дни...». Проговорки? Подсознание? Тайная жажда счастья, данная другим? Или — подавленный стон вечно несчастного? Но в дневниках Михаила Погодина, друга и соученика поэта по университету, будущего историка, в одной из записей о посещении именно этого дома сказано: «Смотря на Тютчевых, думал о семейственном счастье. Если бы все жили так про-

сто, как они...» И сравнив эти слова с тем «спором о счастье», как не подумать: когда в доме витает истинное счастье, тогда оно и впрямь – не цель...

Б. – (кроме названных уже) поэт И. И. Дмитриев, а также будущие декабристы – родственники поэта: Д. И. Завалишин, В. П. Ивашев, А. В. Шереметев, И. Д. Якушкин и многие другие. И. Д. Якушкин будет даже арестован в этом доме. Да и Ф. И. Тютчев, как раз в 1825 г. приехав из-за границы в отпуск, скажет слова, которые появятся в дневнике М. Погодина за полгода до восстания на Сенатской: «В России канцелярии и казармы. Все движется около кнута и чина...» Откровенно, да и слишком открыто оппозиционно для... дипломата.

Ныне в этом здании музей Ф. И. Тютчева и Российский детский фонд.

26. Архангельский пер., 9 (с.), – Ж. – с конца 1930-х гг. – переводчица с фр. языка, мемуаристка **Нина Герасимовна Яковлева** (наст. фамилия Бернер). Именно Яковлева и познакомила здесь, в своей квартире, вернувшуюся из эмиграции Марину Цветаеву и поэта Арсения Тарковского, между которыми возник платонический роман. «Встретились, взметнулись, метнулись...» – напишет в воспоминаниях Нина Яковлева.

Она была знакома с Цветаевой еще с 1910-х гг., потом в Париже, а в Москве встретились впервые весной 1940 г.

в Гослитиздате (**Бол. Черкасский пер., 2**). Яковлева, которая возглавляла Творческую комиссию в группкоме, помогала «устроить» ей переводческую работу в Гослитиздате. Стали близки настолько, что Цветаева, уезжая в эвакуацию, оставит ей пакет с рукописями, который та, увы, не сохранит.

Дом № 9 по Архангельскому переулку

Здесь же, в этом доме, в комнате хозяйки с зелеными стенами, на которых были гравюры Джованни Пиранези XVIII в., где стояла старинная мебель красного дерева, а на полках покоились французские книги в кожаных переплетах, «собирались поэты "в дружеской обстановке" почитать

стихи».

Яковлевой было за пятьдесят, но она сохранила еще следы былой красоты, была моложава и любила «вести разговоры и о своих, и о чужих увлечениях. Была несколько сентиментальной, – пишет Мария Белкина, биограф Цветаевой, – и романтически настроенной натурой. Дочь богатых родителей, жена богатых мужей, она часто до революции жила за границей и отлично владела французским... В молодости посещала литературно-художественный кружок Брюсова... Там впервые увидела Марину и Асю... Теперь же... зарабатывала на жизнь переводами...»

Яковлева, конечно, слегка романтизирует отношения Марины Ивановны и Тарковского. Тарковский был много моложе Цветаевой и был увлечен ею как поэтом, хотя и не раз говорил: «Марина, вы кончились в шестнадцатом году!..» А Цветаевой была нужна игра воображения! Ей нужно было заполнить «сердца пустоту, она боялась этой пустоты». Та же Белкина запомнила, как Марина, в присутствии Тарасенкова, однажды пустилась размышлять, что, оказывается, совсем не важно, с кем у человека роман, – «роман может быть с мужчиной, с женщиной, с ребенком... роман может быть с книгой... Ведь все равно с кем, лишь бы только не было этой устрашающей пустоты!..»

«С появлением на этих "субботниках" Марины Ивановны, – пишет Яковлева, – все наше внимание сосредоточилось на ней... Сидя на старинном диване, за красного дерева

овальным столиком... прямая, собранная, близкая и отчужденная – как будто здесь и не здесь, – читала стихи и прозу. Какие стихи и поэмы... Какую прозу!...»

Считается, что здесь она встретила впервые с Арсением Тарковским в 1940-м, хотя сам Тарковский утверждал позднее, что в 1939-м. Впрочем, не так важно, когда важно – как. Яковлева, к примеру, запомнила, как она зачем-то вышла из комнаты, а когда вернулась...

«Когда я вернулась, они сидели рядом на диване. По их взволнованным лицам я поняла: так было у Дункан с Есениным. Встретились, взметнулись, метнулись. Поэт к поэту. В народе говорят: «Любовь с первого взгляда"...»

– Я ее любил, – говорил в позднем интервью Тарковский, – но с ней было тяжело. Она была слишком резка, слишком нервна. Мы часто ходили по ее любимым местам – в Трехпрудном переулке, к музею, созданному ее отцом... Она была страшно несчастная, многие ее боялись. Я тоже – немного. Ведь она была чуть-чуть чернокнижница». Он вспоминал, что она могла позвонить в четыре утра и возбужденно сказать: «Вы знаете, я нашла у себя ваш платок!» – «А почему вы думаете, что это мой? У меня давно уже не было платков с меткой». – «Нет, нет, это ваш, на нем метка "А.Т.". Я его вам сейчас привезу!» – «Но... Марина Ивановна, сейчас 4 часа ночи!» – «Ну и что? Я сейчас приеду». И приехала, и привезла мне платок. На нем действительно была метка "А. Т."...» Только платок «с меткой» принадлежал

Антонине Трениной, которая была в 1938–1946 гг. второй женой Тарковского (они жили тогда в **Партийном пер., 3**) и, как пишет Белкина, нешуточно ревновала мужа к Цветаевой. «Она (Антонина Тренина. – *В. Н.*) уверяла, что ожерелье, которое ей подарила Марина Ивановна, – душит, и она не может его носить, и что Марина Ивановна знает наговор и что достаточно взглянуть в ее колдовские зеленые глаза, чтобы понять это».

Кстати, та же Белкина пишет об очень существенном разговоре о любви, который состоялся уже в ее не сохранившемся ныне доме (**Конюшковский Бол. пер., 20**). Зашла речь о любимой книге Цветаевой «Кристин, дочь Лавранса» Сигрид Ундсет, и Белкина сказала, что в этом романе есть только «одна Кристин, а мужчины там словно тени и играют подсобную роль, они статисты.

– Как и в жизни! – откликнулась Цветаева. – В любви главная роль принадлежит женщине, она ведет игру, не вы, она вас выбирает, вы не ведущие, ведомые!..

– Но Марина Ивановна, – вступил в разговор муж Белкиной Анатолий Тарасенков, – оставьте нам хотя бы иллюзию того, что мы вас все же завоевываем!..

– Ну, если вам доставляет удовольствие жить ложью и верить уловкам тех женщин, которые, потакая вам, притворяются, – живите самообманом!»

Увы, заканчивает Белкина, – «самообманом жила она сама, придумывала людей, придумывала отношения... ситуа-

ции. Она была и автором, и постановщиком этих ненаписанных пьес! И заглавную роль в них исполняла сама».

Наконец, здесь у Яковлевой, в ночь на 22 июня 1941 г. Цветаева читала «Повесть о Сонечке». Были Вилли Левик, Элиазбар Ананиашвили, Ярополк Семенов. Все было как всегда. Хозяйка в платье до пят разливала чай в чашки тончайшего фарфора, поправляла прическу маленькой ручкой, унизанной кольцами, пишет Белкина, и сидела на высоком павловском диване, поставив тувельку на вышитую подушку, брошенную на пол. И, как пишет Белкина, говорили также и о войне. Так что, уходя из гостей, Цветаева, действительно «чернокнижница», якобы сказала кому-то: «А может быть, война уже началась...»

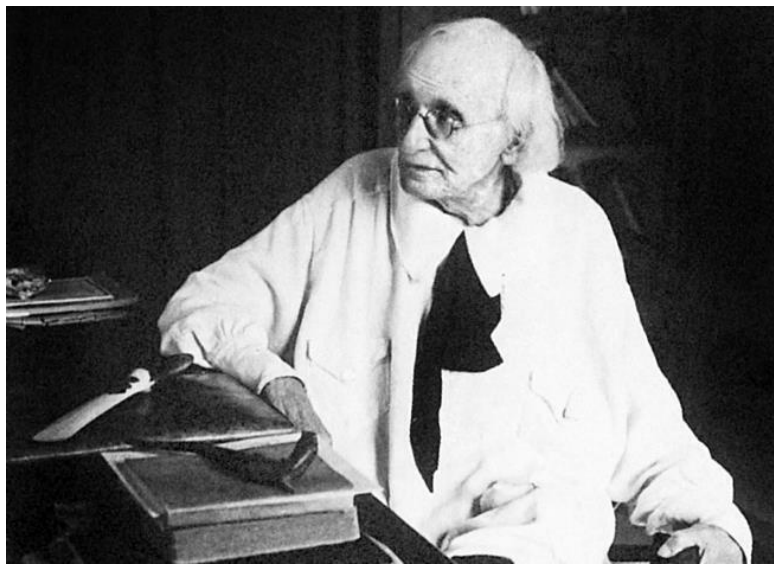
Жить Цветаевой после этой ночи оставалось меньше трех месяцев.

27. Афанасьевский Бол. пер., 4 (с.), – Ж. – в 1911–1913 гг. – литератор, основатель издательств «Универсальная библиотека» (1905) и «Полез» (1906) Владимир (Вольдемар) Борисович (Морицевич) Антик.

Позднее, с 1918 по 1920 г., здесь жил один из самых знаменитых поэтов, драматургов, философов, критиков и переводчиков Серебряного века, идеолог «дионисийства» – **Вячеслав Иванович Иванов** и – его третья жена, его же падчерица, дочь второй жены Иванова – Лидии Зиновьевой-Аннибал – 30-летняя **Вера Константиновна Ивано-**

ва (урожд. Шварсалон).

Вообще-то Вячеслав Иванов москвич, родился в 1866 г. в Первопрестольной (**Волков пер., 21**), здесь жил (в 1904 г. – в доме **28** на **Тверском бульваре**, в 1911 г. – по адресу **Гоголевский бул., 31**, потом в **Пожарском пер., 10**, и с 1913 по 1917 г. на **Зубовском бул., 25**), здесь, наконец, учился в Первой классической гимназии (**Волхонка, 18**) и потом – в университете.

Вячеслав Иванович Иванов – поэт, драматург, философ и переводчик

Пишут, что его мать дружила с драматургом Островским, завела тетрадь для любимых стихов, а кроме того, каждый день читала сыну по главе из Евангелия («С той поры я полюбил Христа на всю жизнь»). В восемь лет он написал один из первых стихов «Взятие Иерихона» и очень гордился успехом среди однокашников. Но сюда, в Большой Афанасьевский, въехал уже крупнейшим поэтом, признанным эстетиком и философом и «мэтром» всех известных на тот период поэтов и прозаиков. К примеру, во время Первой мировой войны именно он (вместе с композитором А. Т. Гречаниновым) написал новый гимн России: «Да здравствует Россия // Свободная страна! // Свободная стихия / Великим суждена...»

Въехал сюда, в три комнаты большой квартиры, похоронив свою вторую жену Лидию Зиновьеву-Аннибал и уже женившись на ее дочери от первого брака, на Вере Шварсалам. Сменил жилье, ибо в прежнем лопнули трубы отопления и жилыцы замерзали. Увы, на следующий год отопление прекратилось и здесь, и гости (а здесь бывали Брюсов, Балтрушайтис, Цветаева, Ивнев, Зайцев, Бердяев, Шпет, Флоренский и др.) все чаще замечали в углах комнат просто самый настоящий иней.

Издатель Алянский привез ему сюда выпущенную книгу Блока «Соловьиный сад». «Дверь, – пишет он, – открыл пожилой человек с длинными седыми волосами, в очках, с необыкновенно острыми глазами. На слегка сгорбившиеся плечи был накинут какой-то черный плащ или крылат-

ка. Весь его облик напоминал птицу...» И, видимо, здесь состоялся памятный диалог Вяч. Иванова с заглянувшим сюда профессором-литературоведом Павлом Сакулиным, когда Совет народных комиссаров переехал из Петрограда в Москву:

– Мог ли думать Петр, – заметил Сакулин, – что Санкт-Петербург как столица просуществует два столетия?

– Двести двадцать четыре года, – улыбнулся Иванов. Но добавил: – Москва – это Россия! Россия – это Москва! Петр не должен был переносить столицу в Петербург. Совершив это, он сделал грубую ошибку.

– Вы думаете?

– Я уверен. Это измена русскому духу. Из европейского цейхгауза надо взять самое нужное, а он вместе с необходимым загреб и зарубежный хлам...

Но, видимо, не надо было и Иванову переезжать из города на Неве в Москву. Ибо здесь, в 1920-м, он похоронил и третью свою жену – 30-летнюю Веру, умершую от туберкулеза в клинике МГУ. Здесь, вслед за дочерью Лидией, пошел работать «к большевикам» в Наркомпрос заведовать историко-театральной секцией театрального отдела, которым руководила тогда Ольга Каменева (сестра Льва Троцкого). Б. Фрезинский пишет, что 4 августа 1919 г. Вяч. Иванов посвятил этой «фурии» (по образованию – дантистке) льстивое стихотворение, которое обнаружил в архиве ИМЛИ Дж. Мальмстад: «Во дни вражды междуусобной // Вы,

жрица мирная народных эвменид, // Нашли в душе высокой
и незлобной, // Что просвещенных единит... // Вкруг Вас,
порывистой, вкруг Вас, нетерпеливой. // И полюбились нам
Ваш быстрый гнев и лад, // Нрав опрометчивый, и Борджий
профиль властный, // И черных глаз горячий взгляд, // Тра-
гический, упорный, безучастный... // И каждый видит Вас
такой, – но каждый рад // Вновь с Вами ратовать, товарищ
наш прекрасный...»

Это он-то, написавший уже злые контрреволюционные
«Песни смутного времени», которые при всем желании не
смог бы напечатать (и отказался) даже либеральный Самуил
Алянский. И здесь, наконец, после посещения Иванова ка-
ким-то священником к ним ночью вломилась ЧК. «Откры-
вайте, вставайте, одевайтесь!» – вспомнит этот эпизод Ли-
дия Иванова. Она спала не только одетая, но в шубе, и пом-
нит, что единственное, что ее тяготило в эту минуту, – это
то, что надо было вылезать «из своей теплой норки». Оказы-
вается, чекисты искали того священника, который ушел от
них накануне...

Последний год Вяч. Иванова запомнит бывавшая здесь
его ученица – поэтесса Ольга Мочалова. Она тоже срав-
нит его с птицей: «Женственность, младенческая беспомощ-
ность опущенных рук, что-то от птицы, от камня, от коле-
бання ветвей. Лицо ученого, мудреца, провидца. Изящество
каждого слова и каждого шевеленья. Как милостиво и сдер-
жанно принимал он пищу... Говорили, что еще в гимнази-

ческие годы он умел умирять юношей-кавказцев, которые бросались друг на друга с кинжалами во рту...» И сравнит его... с Генриком Ибсеном.

Отсюда друзья сначала устроят поэта в «Здравницу для переутомленных работников умственного труда» (**3-й Неопалимовский пер., 5—7**), где его «эстетическая пикировка» с философом М. О. Гершензоном превратится в книгу «Переписка из двух углов» (о чем я еще расскажу в дальнейшем, показав дом, где это случится), а затем – помогут «бежать» в Баку, бросив здесь, в Афанасьевском, все: библиотеку, рукописи, письма. Через четыре года он переедет в Италию, где проживет до самой смерти в 1949 г. Но останется в стихах, в философии, в ученых записках и – в мемуарах десятков людей.

28. Афанасьевский Бол. пер., 7 (с.), – Ж. – в 1910-е гг., в дворовой пристройке – прозаик, драматург, журналистка – **Анастасия Алексеевна Вербицкая** (урожд. Зяблова).

Модной Вербицкая стала после выхода в 1909 г. романа «Ключи счастья» (в 1913-м был экранизирован Я. А. Протазановым и В. Р. Гардиным), в котором впервые поднималась проблема «сексуальной свободы женщины». Тираж этой книги стал сумасшедшим для России – 280 тыс. экз. Но после революции Наркомпрос принял решение сжечь весь склад книг писательницы «за порнографию, юдофобство и черносотенство». Вербицкая потребовала «гласного суда», и

комиссия, созданная Вацлавом Воровским, директором Госиздата, через три месяца признала книги «безвредными». Увы, после убийства Воровского в 1924-м ее книги все-таки запретили и изъяли из библиотек и читален.

НИКОЛАЙ КУН

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ
И ДРЕВНЕГО РИМА

Обложка современного издания книги «Легенды и мифы Древней Греции и Древнего Рима»

Через четыре года Вербицкая скончалась. Сын ее стал актером МХАТа, а внук – это мало кто помнит ныне – тоже мхатовец, стал известен по роли Печорина в фильме «Княжна Мэри», вышедшем на экраны в 1955 г.

Наконец, в этом же доме, но в основном здании, в семье эстонского купца **Павла Иваска** и его жены **Евгении Александровны Фроловой**, родился в 1907 г. и жил с родителями до эмиграции в 1920-м – будущий поэт, критик, историк литературы – **Юрий Павлович Иваск**. И здесь же, в 1910-е гг., жил литератор, историк, переводчик и педагог **Николай Альбертович Кун**. В этом доме в 1914 г. Кун написал книгу «Легенды и мифы Древней Греции», изданную первоначально под названием «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях» («Легендами и мифами» книга стала только в 1940 г.).

29. Афанасьевский Бол. пер., 8 (с.), – дом Лаптевой. Ж. – в 1835–1837 гг., за три года до смерти от туберкулеза (он умрет во сне, как святой) – поэт, прозаик, драматург, философ, социолог и критик **Николай Владимирович Станкевич**. Оба – Николай Станкевич и его младший брат Александр с детства решили стать писателями и стали ими.

Здесь, в этом доме, собирался знаменитый философский

«кружок Станкевича». О чем рассуждали «любомудры»? «О Боге, о правде, о поэзии», но все сводилось к «свободе личности» человека и к «самосовершенствованию», корнем которого является «любовь».

КНЮЧИ СЧАСТЬЯ.

СОВРЕМЕННЫЙ
РОМАНЪ

А. ВЕРБИЦКОЙ.

Обложка первого издания «Ключи счастья»

Женщину Николай Станкевич называл «святым существом», но брака, пишут, «так и не познал». Он не был ученым «сухарем», три больших романа его жизни вместили в себя все: и первые объятия в карете, когда лошади, испугавшись грозы, понесли («о как прекрасно это было!»), и несостоявшуюся дуэль его друга Михаила Бакунина, заступившегося за любовь Станкевича к его сестре Любе, и неожиданную смерть его возлюбленной в 1838-м, от которой остались письма и засохшие цветы, и «любопытство природы», приведшее однажды философа в публичный дом, и, наконец, новый роман, но уже с младшей сестрой Михаила и Любы Бакуниных – замужней Варварой Дьяковой, на руках которой наш романтик, искавший всю жизнь «идеал», и скончался...

«Белинский на собрании кружка Станкевича» (1948) Б.И. Лебедев

Он был харизматичен, умел увлечь, вдохновить, возглавить. Мало кто знает, что именно Станкевич прозвал Белинского «неистовым Виссарионом». Его друг, Т. Н. Грановский, так отзывался о Станкевиче после его смерти: «Он был

нашим благодетелем, нашим учителем, братом нам всем, каждый из нас ему чем-нибудь обязан. Он был мне больше, чем брат. Десять братьев не заменят одного Станкевича... Это половина меня, лучшая, самая благородная моя часть, сошедшая в могилу...»

Вообще, когда мы говорим или вспоминаем Станкевича, мы невольно вспоминаем и его ближайшего друга, профессора всеобщей истории, главу московских западников, общественного деятеля **Тимофея Николаевича Грановского**. Не знаю, останавливался ли он в этом доме, но по силе проповедничества, убеждения окружающих он ни в чем не уступал своему другу. Лекции читал в университете, никогда не записывая их, но, как признался Бартеневу, «долго обдумывая их». «На слушателей действовал он не столько содержанием своего чтения, – вспоминал Бартенев, – как самим произношением и своею художественной личностью. Хомяков правду сказал про него, что у него одна судьба с гениальными актерами: действие минутное, но неизгладимое. Изданные Станкевичем его письма к сестрам и друзьям заставляют всякого читателя полюбить этого чудесного человека, легкомысленного, но обаятельного».

Умер Тимофей Грановский в последнем своем доме, увы, не сохранившемся (**Харитоньевский Мал. пер., 10**). Там, зарабатывая уже немалые деньги (в том числе за обучение Василия Солдатенкова, будущего издателя), он на старости лет будет регулярно просаживать их в карты в Купече-

ском клубе. «В последний день его жизни, – пишет Бартенев, бывавший у Грановского, – его вызвал к себе генерал-губернатор Москвы граф Закревский и объявил, что двух шулеров, обыгрывавших его, он выслал из Москвы». Умрет в октябре 1855 г. Встав с постели, станет натягивать сапоги и неожиданно повалится... «испустив дух».

Ну, а кроме Грановского здесь, на собраниях кружка Станкевича, блистали воистину крупнейшие имена: К. С. Аксаков, поэт А. В. Кольцов, критик В. Г. Белинский, философы и публицисты М. А. Бакунин, В. П. Боткин, М. Н. Катков и многие другие.

30. Афанасьевский Бол. пер., 10, стр. 2 (н. с.), – Ж. – в феврале 1915 г. – поэт **Сергей Александрович Есенин**.

Здесь была просторная комната, «неуютная и холодная», как запомнит свидетель, а из обстановки был «большой черный стол, на котором одиноко стояла чернильница с красными чернилами». Сюда приходили к поэту А. В. Ширяевец, В. Ф. Наседкин, П. В. Орешин, Г. А. Санников, поэты, с которыми С. А. Есенин еще недавно учился в Народном университете им. А. Л. Шанявского (**Миусская пл., 6**). И отсюда в марте 1915 г. С. А. Есенин уехал в Петербург, как говорил – «за славой».

Первые годы в Москве – поэт Сергей Есенин...

Возможно, причина отъезда была и другой – полтора месяца назад, 21 декабря 1914 г., у поэта и Анны Изрядновой, его гражданской жены, родился сын Георгий. Они снимали комнату у Серпуховской заставы (**2-й Павловский пер., 3**, а все адреса поэта – в *Приложении № 2*) и, когда прошли первые «восторги и радости», когда, как вспоминала Анна, Есенину «пришлось много канителиться со мной», он, думаю, и «сбежал» в этот, уже не существующий ныне, дом. А уже

отсюда, через месяц (точнее, 8 марта 1915 г.), бросив и жену, и сына – «сбежал» в Петроград.

«Нет! Здесь в Москве ничего не добьешься, – возбужденно говорил в эти дни другу. – Надо ехать в Петроград... Все письма со стихами возвращают. Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежащий камень вода не течет. Славу надо брать за рога... Пойду к Блоку. Он меня поймет...»

... и его гражданская жена – Анна Изряднова

Кстати, где-то здесь, в арбатских переулках, как пишет Анатолий Мариенгоф, они через несколько лет окажутся свидетелями большого пожара и заметят, что многие смотрели не на горящий дом, а на какого-то человека, высокого

и отлично одетого «Шляпин... Шляпин... Шляпин...» – неслось со всех сторон. И Есенин сказал другу с каким-то даже надрывом: «Толя, вот какую славу надо иметь! Чтобы люди смотрели не на пожар, а на тебя!...»

Из Петрограда через месяц, в конце апреля, Есенин вернется к жене на 2-й Павловский, но, как вспоминала Анна, «уже другой». «Был все такой же любящий, – пишет, – внимательный, но не тот, что уехал...»

31. Афанасьевский Бол. пер., 12, стр. 1 (с., мем. доска), – дом коллежской секретарши Т. Д. Слепцовой. **Ж.** – до 1834 г. – прозаик, критик, мемуарист **Сергей Тимофеевич Аксаков**, его жена – **Ольга Семеновна Заплата** и 11 их детей, в том числе сыновья – будущий поэт, редактор, идеолог славянофильства **Иван**, будущий прозаик, публицист **Константин** и дочь Аксаковых – **Вера**, будущая мемуаристка.

Здесь, как всегда у Аксаковых, стали собираться литераторы, друзья писателя, на «интимные аксаковские субботы», которые продолжатся и позже, уже в других домах. Бывали М. Н. Загоскин, Н. И. Надеждин, М. П. Погодин, М. Т. Каченовский, Н. Ф. Павлов, Ф. Ф. Кокошкин, композитор А. Н. Верстовский, актер М. С. Щепкин и др. И в этот дом в 1832 г. Погодин приведет впервые Гоголя, который через несколько лет станет своим в доме Аксаковых на Сивцевом (**Сивцев Вражек пер., 30а**, см. *Приложение № 2*).

«В тот день, – пишет наша современница, прозаик, историк и искусствовед Н. М. Молева, – хозяин с ближайшими приятелями поднялся на второй этаж к карточному столу. Невысокие потолки. Теплая печь. Многие сбросили для удобства игры сюртуки. Стремительно вошедший в комнату – без доклада и стука – Погодин обратился к присутствующим: "Вот вам Николай Васильевич Гоголь!" За его плечами стоял невысокий сильно смущенный молодой человек. "Эффект был сильный, – будет вспоминать впоследствии Аксаков. – Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок... в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой"". От хозяина ускользнуло главное, – подчеркивает Н. М. Молева, – его гость был счастлив. Первое и такое наглядное признание литературной известности! Аксаков и его гости от неожиданности не находили слов...»

Но разве можно равнодушно пройти мимо такого сохранившегося дома?..

32. Афанасьевский Бол. пер., 17/7 (с.), – Ж. – с 1869 г. – поэт, переводчик, редактор Лиодор Иванович Пальмин.

В великом здании русской литературы, в его «кладке»

важны, но не всегда известны, все кирпичики и ступеньки, ведущие к славе нашей словесности. Таким важным, но мало-известным ныне был поэт Лиодор Пальмин.

Поэт и наставник поэтов – Лиодор Пальмин

«Был сутул, ряб, картавил... и всегда был одет так неряшливо, что на него было жалко смотреть, — вспоминал младший брат Чехова, писатель и критик Михаил Чехов. — Он был благороден душой и сострадателен. Особую слабость его составляли животные. Всякий раз, как он приходил к нам, вместе с ним врывались в дверь сразу пять-шесть собак. Всех он подбирал по дороге и давал им у себя приют. Это был высокоталантливый, но совершенно уже опустившийся человек. Обладал прекрасным стихом, изящной формой, но несчастная страсть к пиву (именно к пиву, а не к вину) свела его на нет...»

Сколько Пальмин ввел в литературу, никто, разумеется, не подсчитывал. Но он, еще в 1861-м отсидевший срок в Петропавловской крепости за участие в студенческих беспорядках, опубликовавший свой первый стихотворный сборник «Сны наяву» в 1878 г. (стал песней его стих «Не плачьте над трупами павших борцов...»), переведший либретто опер «Тангейзер», «Дон Карлос» и «Трубадур», познакомил, например, юного Антона Чехова с писателем, но главное — издателем и редактором Н. А. Лейкиным, который в своем журнале «Осколки» стал буквально бешено публиковать первые рассказы будущего классика. И уж конечно мало кто помнит, что юнкер четвертой роты Александровского училища Александр Куприн, познакомившись чуть ли не в пивной с Пальминым и признавшийся ему, что пишет, но еще не

печатается, вдруг услышал: «Напишите свеженький рассказ и принесите... Я вам первую ступеньку подставляю...»

Поэт-народист Борис Алмазов

Так и случится. Первый рассказ Куприна, который смешно назывался «Последний дебют», был напечатан по протекции Пальмина. За него автор получил и первый гонорар в 10 рублей (купил на него матери козловые сапожки), и... два дня карцера за «бумагомарание», как объявят в приказе по училищу. И если ныне кому-нибудь придет идея поблагодарить «наставника великой литературы», Лиодора Пальмина, сообщая – он похоронен на Ваганьковском – участок № 24.

Наконец, позднее, в 1910-х гг., в этом доме жил поэт, прозаик, критик, переводчик и математик **Сергей Павлович Бобров**, один из организаторов русского футуризма (с 1914 г. – руководитель литгруппы «Центрифуга»), которого навещали здесь очень известные в будущем люди: Андрей Белый, Пастернак, Маяковский, Асеев, литератор и богослов Дурылин и многие другие. А позже, с 1928 по 1962 г., в этом доме жил языковед, лингвист, переводчик, профессор **Дитмар Эльяшевич Розенталь**.

Ну чем не «литературный дом»!

33. Афанасьевский Бол. пер., 18 (с.), – Ж. – в 1850–70-е гг. – поэт, прозаик, пародист, переводчик и критик Борис Николаевич Алмазов (псевдонимы Эраст Благодоров, Б. Адамантов). От него, хоть его и звали «певцом минуты», остались три тома его сочинений: повести, стихи, пародии, переводы. **Б.** – драматург А. Н. Островский, поэты А. А. Гри-

горьев, А. А. Потехин, критики Е. Н. Эдельсон, Д. В. Аверкиев и некоторые другие.

34. Афанасьевский Бол. пер., 24 (с.), – Ж. – видимо, до 1803 г., до своей кончины – действительный статский советник, прадед Льва Толстого и поэта Алексея Константиновича Толстого – граф **Андрей Иванович Толстой** (прозванный за многочисленное потомство «Большое гнездо») и его жена – княжна **Александра Ивановна Толстая** (урожд. Щетинина). В браке у Толстых родилось 23 ребенка, из которых дожили до взрослого возраста шесть сыновей и четыре дочери. А у самого хозяина этого дома был еще и младший брат, бывавший здесь, – Федор Иванович Толстой, потомком которого стал, в свою очередь, уже «советский классик» – Алексей Николаевич Толстой.

Алмазов, Борис Николаевич

1048
300

ДИССОНАНСЫ

СТЕХОТВОРЕНІЯ.

Алмазова
Б. АДАМАНТОВА, *friend.*

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. Б. МІЛЛЕРА.

1863.

Любовь в этом «Большом гнезде» царила, как пишут, необыкновенная. Лев Толстой слышал, например, от своей тетушки: «Жена (А. И. Толстого. – В. Н.) по какому-то случаю, – пересказывал историю Лев Толстой, – одна без мужа должна была ехать на какой-то бал. Отъехав от дома, вероятно в возке, из которого вынуто было сиденье для того, чтобы крыша возка не повредила высокой прически, молодая графиня, вероятно, лет 14-ти, вспомнила дорогой, что она, уезжая, не простилась с мужем, и вернулась домой. Когда она вошла в дом, она застала его в слезах. Он плакал о том, что его жена перед отъездом не зашла к нему проститься...» Такой здесь была любовь...

КАТЕНЬКА.

ПОВѢСТЬ

Б. АЛМАЗОВА.

МОСКВА. 1875 г.

Позднее дом принадлежал родственнику Льва Толстого, его шурина **Александру Андреевичу Берсу** (1845–1918), брату жены писателя Софьи Толстой (Берс) и мемуаристки Т. А. Кузминской (урожд. Берс), ставшей, как известно, прототипом Наташи Ростовской в романе «Война и мир».

Наконец, в этом же доме, в 1890–1900-е гг., жила поэтесса, прозаик, драматург, мемуаристка **Александра Дмитриевна Львова** (урожд. Шидловская). Но мало кто знает, что до 1917 г. среди писательниц, как гласит словарь «Писательницы России» (сост. Ю. Л. Горбунов), поэтесс и драматургинь только Львовых было 26 человек. В частности, в соседнем доме (**Афанасьевский Бол. пер., 26**) жила актриса и мемуаристка, автор «Записок человека» М. Д. Львова-Синецкая, для которой, представьте, Петр Вяземский и Александр Грибоедов написали водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Вот ведь скольких женщин во все времена тянуло к «перу и бумаге»...

35. Афанасьевский Бол. пер., 27 (с.), – Ж. – до 1909 г. – поэт, прозаик, драматург и актер **Сергей Александрович Найденов** (наст. фамилия Алексеев) и его жена – актриса **Инна Ивановна Малышева** (псевдоним Мальская). Здесь поэт испытал бедность, разочарование в писании стихов и прозы и здесь же написал и довел до постановки в петер-

бургских и московских театрах самую знаменитую свою пьесу «Дети Ванюшина» (в 1915 г. ее экранизировал Я. А. Протазанов, пригласив на главные роли Ивана Мозжухина и Веру Холодную).

А.И. Толстой – по прозвищу «Большое гнездо»

«Это было время, – вспоминал Найденов, – когда я сам

мечтал, нет, не мечтал, а решил твердо сделаться драматургом. Я купил себе письменный стол, кресло, лампу и дорожную чернильницу сундучком. Я разделил оставшиеся у меня наследственные деньги 900 рублей на год по 75 рублей в месяц и приводил в исполнение свой роковой план. Год работать, а там, если ничего не выйдет, – уйти. Это была последняя ставка...»

Так вот – в 1901 г. первая пьеса «Дети Ванюшина» была написана. Драматургу было 33 года – возраст Христа. Но разве не так и рождается «большая литература»?! Знаком уважения к труду и таланту стало сближение и дружба драматурга с Чеховым, Горьким, Телешовым и другими, которые, как пишут, бывали и здесь, и в Ялте, куда Найденков, «заработав» туберкулез, переедет как раз из этого дома.

Сцена из спектакля по пьесе С.А. Найдёнова «Дети Ванюшина»

А в этом здании останется жить до 1915 г. другой наниматель квартир – языковед, философ, публицист князь Николай Сергеевич Трубецкой.

36. Афанасьевский Бол. пер., 41 (с.), – Ж. – с 1914 по 1921 г. – поэт, критик, литературовед, историк литературы, москвовед Николай Сергеевич Ашукин и его первая жена – будущий главный библиограф Института Маркса-Энгельса-Ленина – Ольга Дмитриевна Наумова.

Судьба Ашукина – один из самых ярких примеров «востребованности» писателя в литературе. Ныне он известен широкому читателю исключительно благодаря своему собранию цитат, сборнику литературных высказываний «Крылатые слова» (1956). А ведь он – и в этом, кстати, доме – издал еще в 1914 г. первый сборник стихов «Осенний цветник», за который сразу же получил престижную премию им. С. Я. Надсона. Здесь писал повести, книги о Пушкине («Живой Пушкин», 1926), Грибоедове, составил летопись жизни и творчества Николая Некрасова и издал несколько книг о литературной Москве. Видимо, про жизнь в этом доме попали подробности быта в его стихи: «В уюте кельи тихой вечерами // Опять зовет к себе забытый труд; // Бумаги, книги старыми друзьями // Глядят. Дороже и милей уют... //

Как весело потрескивают печи, // Встречая голос зазвеневших выюг, // И мы ведем с тобою, милый друг, // За чаем нескончаемые речи...» Возможно, эти стихи читал хозяин дома, когда его посещали здесь Бальмонт, Брюсов, Вересаев, Белоусов и (предположительно) Александр Блок.

В этом же доме, кроме того, жил в 1910–20-е гг. врач-педиатр **Василий Яковлевич Гольд** и его жена – скульптор, поэтесса и мемуаристка – **Людмила Васильевна Гольд**, близкие друзья Вяч. И. Иванова. Здесь устраивались литературно-художественные вечера. **Б.** – М. И. Цветаева, Е. Л. Ланн, М. О. Гершензон, скульптор С. Т. Конёнков (автор портрета Л. В. Гольд в мраморе) и многие другие. Именно В. Я. Гольд способствовал помещению Вяч. И. Иванова и М. О. Гершензона в «Здравницу работников науки и литературы», где и возникла знаменитая «Переписка из двух углов» (**3-й Неопалимовский пер., 5—7**).

Наконец, в этом же доме, после четырех арестов с отбыванием наказания в Соловецком лагере, с 1939 по 1956 г., жил в коммунальной квартире 1-го этажа литературовед, историк, краевед, мемуарист, автор книги «Душа Петербурга» **Николай Павлович Анциферов** и его жена – **Софья Александровна Гарелина**.

Сюда Анциферов писал жене об этапе в Сибирь: «Ехали мы 46 дней в теплушке, не приспособленной для сибирских холодов. Для спанья чередовались... Мне не верилось, что я смогу пережить этот этап... Как я был одет, ты знаешь, в

чем я ушел из дому...»

Потом, в воспоминаниях, напишет страшнее. «Угольная пыль, которой нас снабдили, не могла нагреть теплушку, с ее щелями при суровых сибирских морозах января!.. Когда нас подтапливали, стены начинали покрываться белой шерстью инея. Ближе к полу он становился гнусно желтым от мочи. Воды не хватало, и мои спутники не брезговали со стен отламывать золотистые сосульки, растапливать их и пить... Нижние нары уже все сожжены... Если этап еще продлится долго, нам всем конец. Из теплушки уже 5 человек умерло. У меня жар и болит горло. Плохо дело... Меня освободит смерть...

И все же... Станция неведомо где. В замерзшем окне дыханием делаю дырку. Смотрю на мир Божий. Сопка. На нее взбираются ели – белые от инея, тянутся к небу. А небо синее, даже не синее, а лиловое... и чудится мне, от этих сверкающих белизной елей, от этой лиловато-густой лазури льется музыка. Мне слышится песня Сольвейг: Спи! Усни, милый мой! // Буду сон охранять сладкий твой, // Сольвейг!»

В этом доме у Анциферова в разное время бывали: А.А. Ахматова, К.И. Чуковский, А.Ф. Лосев, Б.В. Томашевский, пианистка М.В. Юдина, Б. Ш. Окуджава, журналистка Ф.А. Вигдорова и многие другие.

Б

От Баррикадной улицы до улицы Бурденко

37. Баррикадная ул., 2 (с.), – дом генерала Глебова, затем Главная аптека, позже Александровский мещанский институт (1790-е гг., перестроен в 1823 г. – арх. отец и сын И. Д. и Д. И. Жилярди), а с 1811 г. – «Вдовый дом» – богадельня, пансион для вдов и сирот военных и чиновников. **Ж.** – с 1874 по 1877 г. пансионеркой дома – **Любовь Алексеевна Куприна** (урожд. Кулунчакова) с малолетним сыном – будущим писателем **Александром Ивановичем Куприным**. Жил здесь Куприн с четырех до семи лет, но позже свое существование в этом доме опишет в рассказах «Святая ложь» и «Река жизни».

«Неслышным шагом проходит он сквозь ряды огромных

сводчатых палат, стены которых выкрашены спокойной зеленой краской, мимо белоснежных постелей со взбитыми перинами и горами подушек, мимо старушек, которые с любопытством провожают его взглядами поверх очков. Знакомые с младенчества запахи, — запах травы пачули, мятного куренья, воска и мастики от паркета и еще какой-то странный, неопределенный, цвельный запах чистой, опрятной старости, запах земли... Вот, наконец, палата, где живет его мать. Шесть высоченных постелей обращены головами к стенам, ногами внутрь, и около каждой кровати — казенный шкафчик, украшенный старыми портретами в рамках, оклеенных ракушками. В центре комнаты с потолка низко опущена на блоке огромная лампа, освещающая стол, за которым три старушки играют в нескончаемый преферанс, а две другие тут же вяжут какое-то вязанье и изредка вмешиваются со страстью в разбор сделанной игры...»

Маленький Саша боготворил мать, но и побаивался. Она была для него «верховным существом». Но пишут, что, уходя отсюда по делам (в какой сводчатой палате это было — неизвестно), она привязывала сына за нитку к кровати, и он, смирив свой непоседливый нрав, терпеливо дожидался ее. Потом в рассказе «Река жизни» напишет про мать героя, так похожего на него: «Это она была причиной того, что вся моя душа загажена, развращена подлой трусостью. Она рано овдовела, и мои первые детские впечатления неразрывны со скитаньем по чужим домам, клянченьем, подобострастными

улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, попрошайничеством, слезливыми, жалкими гримасами, с этими подлыми уменьшительными словами: кусочек, капелька, чашечка чайку... И сама мать, чтобы рассмешить благодетелей, приставляла себе к носу свой старый, трепанный кожаный портсигар, перегнув его вдвое, и говорила: "А вот нос моего сыночка..." Я проклиная свою мать...» Куприн, надо сказать, решился даже прочесть этот рассказ матери, выкинув лишь последнюю фразу. Но у нее, как напишет, вдруг «затряслась голова, она поднялась из кресла и вышла...» Правда, добавит, сердилась недолго...

Дом № 2 по Баррикадной улице

В этом же «Вдовьем доме» и в это же время жила пансионеркой и бабушка будущего циркового клоуна и дрессировщика, мемуариста А. Л. Дурова. Он запомнит, что скука там царила страшная и «здоровенные церберы в виде сторожей и швейцаров ревниво охраняли вход...».

А уже в июне 1941 г., через полвека, этот дом, возможно, спасет Марину Цветаеву. Именно здесь, в подвальном бомбоубежище, будут прятаться от первых бомбежек Москвы она и литературовед, будущий биограф поэта Мария Белки-

на.

38. Басманная Нов. ул., 10 (с., мем. доска), – доходный дом (1913, арх. А. Зелигсон). **Ж.** – с 1921 по 1926 г. в здании, отданном Коминтерну, – комендант дома, венгерский писатель-интернационалист, директор Театра Революции (1925), будущий герой войны в Испании («ген. Лукач», командир 12-й интернациональной бригады), погибший в бою там же, – **Мате** (Франкль Бела) **Залка**.

В этом же доме, с 1920-х гг. и до конца 1930-х, жил прозаик, драматург, очеркист, биограф и мемуарист **Лев Иванович Гумилевский** (псевдоним Ф. Ярославов). И с 1918 по 1948 г. – художественный критик, коллекционер, библиограф и мемуарист – **Павел** (Пинхас) **Давыдович Эттингер. Б.** – (у Эттингера) Л. О. Пастернак (его дальний родственник), И. С. Зильберштейн, Д. И. Митрохин, И. Э. Грабарь и многие другие.

Но главное – и о чем сообщает вторая мемориальная доска на фасаде – здесь жил с 1935 по 1948 г. (с перерывом) поэт **Алексей Иванович Фатьянов**.

Алексей Фатьянов

Это второй московский дом его (с 1929 по 1935 г. он жил с родителями на **ул. Вешних Вод, 32**). Но как знаменитый поэт-песенник, как человек, чьи похороны сравнят потом по числу провожающих с похоронами Максима Горького и чей

гроб после смерти люди несли на руках от последнего, не сохранившего его дома (**1-я Бородинская ул., 5**) – до могилы на Ваганьовском, он фактически родился здесь.

Надо ли перечислять почти две сотни его стихов, ставших народными песнями? Да, за свою жизнь он выпустил лишь одну книжку стихов «Поет гармонь» (1955), напечатал ее даже не в Москве и за четыре года до смерти. Но только после 1946 г. на экраны вышло 18 фильмов с песнями поэта: «На солнечной поляночке», «Соловьи», «Перелетные птицы», «Первым делом, первым делом самолеты», «В городском саду играет...», «На Заречной улице...», «В рабочем поселке подруга живет...», «Тишина за Рогожской заставою...», «Когда весна придет, не знаю», «Если б гармошка умела...», «Хвастать, милая, не стану...», «А годы летят, наши годы...» и многие другие. А кроме того, он автор песен, которые распевала вся страна: «Где ж ты, мой сад?», «На крылечке вдвоем...», «Давно мы дома не были», «Друзья-однополчане...», «Три года ты мне снилась...», «Когда проходит молодость...», «Караваны птиц...» Разве это можно забыть?

И ведь как гнобили его при жизни: «поэт кабацкой меланхолии», «дешевая музыка на пустые слова», «творчески несостоятелен». Достаточно сказать, что многие композиторы, писавшие музыку на его стихи, неоднократно награждались за них Сталинскими премиями, а его – автора – наградами обходили. На подушечках после его смерти несли толь-

ко три, но боевых отличия старшего сержанта: орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За победу на Германии». Не говорить же об ордене «За заслуги перед Отечеством», которым его наградили через 30 с лишним лет после смерти...

Здесь, в этом доме, он был принят на службу актером в Театр Красной Армии, отсюда ушел на фронт, где был ранен, когда трое суток выходил из окружения, здесь жил, когда писал первые песни и познакомился с Василием Соловьевым-Седым.

«Ко мне подошел солдат в кирзовых сапогах, – вспоминал композитор свой день на фронте в 1942-м, – красивый, рослый молодец, голубоглазый, с румянцем во всю щеку... Прочел, встряхивая золотистой копной волос, свою песню "Гармоника". Песня мне понравилась... но еще больше мне понравился автор. Чувствовалась в нем богатырская сила...» Так родились их совместные хиты «На солнечной поляночке» и знаменитые «Соловьи», песня, которую маршал Жуков назвал лучшей песней о войне...

Увы, после войны, в 1946-м, уже сам Сталин, раскритиковав на Оргбюро ЦК ВКП (б) фильм «Большая жизнь», бросил и в адрес 27-летнего поэта и композитора Никиты Богословского жесткий упрек, назвав музыку и песню к фильму «кабацкой»... О какой песне шла речь? Так вот, представьте, речь шла о песне «Три года ты мне снилась...», которую пел в фильме Марк Бернес. Вот после этого кремлевского окри-

ка двери журналов и издательств и закрылись для Фатьянова на долгие десять лет. «Помогла», конечно, и зависть коллег-поэтов к таланту человека, которого при жизни называли «вторым Есениным». Уму непостижимо, но именно они трижды (!) исключали Фатьянова из Союза писателей... Исключали и вновь принимали... Но в 1959 г., после очередного исключения его из Союза, поэт скончался. Аневризма аорты, разрыв сердца в 40 лет.

Жена поэта Галина Калашникова, дочь генерала, которая безоглядно «выскочила за него замуж» после трех всего встреч, переживет мужа на 43 года, вырастит сына и дочь поэта и скончается в 2002 г.

39. Басманная Нов. ул., 20 (с. п.), – старинная усадьба Н. В. Левашова. **Ж.** – в 1810–30-е гг. – поручик, участник войны 1812 г., лесопромышленник **Николай Васильевич Левашов** и, до 1839 г., до своей кончины, – его жена – **Екатерина Гавриловна Левашова** (урожд. Решетова, двоюродная сестра декабриста И. Д. Якушкина). Здесь они воспитывали шестерых детей. И здесь в 1820–30-е гг. Е. Г. Левашова держала один из самых известных литературных салонов города.

«Женщина эта принадлежала к тем удивительным явлениям русской жизни, которые мирят с нею, которых все существование – подвиг, никому неведомый, кроме небольшого круга друзей, – писал о Левашовой Александр Герцен. –

Сколько слез утерла она, сколько внесла утешений не в одну разбитую душу, сколько юных существований поддержала она и сколько сама страдала. "Она изошла любовью", — сказал мне Чаадаев, один из ближайших друзей ее, посвятивший ей свое знаменитое письмо о России». В салоне Левашовой бывал весь цвет русской литературы того времени: И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин, Е. А. Боратынский, А. А. Дельвиг, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. К. Кетчер, М. А. Бакунин, М. Ф. Орлов, А. М. Раевский и многие другие.

П.Я. Чаадаев

Но – главное. Здесь у Левашовых, с 1831 по 1856 г., во флигеле этого дома жил философ, публицист **Петр Яковлевич Чаадаев** (внук академика-историка М. М. Щербатова). Здесь им, «басманным философом», как звали его, уже были написаны знаменитые «Философические письма», посвященные, как уже говорилось, как раз хозяйке дома (первое

из них опубликует журнал «Телескоп» в 1836 г.), здесь ученый был официально объявлен «сумасшедшим», и здесь, в 1856 г., Чаадаев скончался, завещав похоронить себя рядом с Е. Г. Левашовой. Это единственный дом ныне, где сохранились следы жизни философа, все прочие, увы, утрачены (**Серебряный пер., 3; Мал. Кисловский пер., 7; Погодинская ул., 8—10 и Петровка ул., 15/13**).

Чаадаев – легендарная фигура русской словесности и политической жизни России. Храбрый офицер, в войну 1812 г. ходивший в штыковые атаки и бравший Париж, «модный денди» после отставки (А. С. Пушкин, характеризуя именно «дендизм» друга, сравнивал с ним Онегина – «Второй Чаадаев, мой Евгений») и «первый из юношей, которые полезли... в гении», как писал о нем Вигель, чей «разговор и даже одно присутствие действовали на других, как действует шпора на благородную лошадь», наконец, арестант по «делу декабристов».

Публикация уже первого его письма стала «выстрелом, – по словам А. И. Герцена, – раздавшимся в темную ночь». Закрыли «Телескоп», сослали редактора, уволили цензора, а автора вызвали к полицмейстеру и объявили, что по распоряжению правительства он отныне «считается сумасшедшим». Врач, который должен был наблюдать за ним, еще при знакомстве якобы сказал ему: «Если бы не моя семья, жена да шестеро детей, я бы им показал, кто на самом деле сумасшедший...»

Именно «Письма» Чаадаева и написанная позже «Апология сумасшедшего» (1837) поделили общество на «западников» и «славянофилов», чей спор продолжается и поныне. Недаром Пушкин написал про него: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес...», а Грибоедов вывел Чаадаева (так считают!) в «Горе от ума» в образе Чацкого.

Что ж, поклонимся ему у его дома и будем помнить, что здесь навещали философа Пушкин, Вяземский, Гоголь, Боратынский, Хомяков, а позднее – Герцен, Тютчев, Белинский и многие другие.

При советской власти, в 1960-е гг., в этом доме жил поэт, литературовед, переводчик, гл. редактор издательства «Художественная литература» (оно находилось и находится поныне через улицу – **Новая Басманная, 19**) и газеты «Литературная Россия» **Николай Васильевич Банников**. А в одном из флигелей дома в 1920-е гг. жил академик-транспортник, председатель правления общества «Знание» (1967–1999), лауреат Ленинской (1988) и Госпремии (1976) – Владимир Николаевич Образцов, в семье которого рос будущий художественный руководитель Театра кукол, прозаик, мемуарист, Герой Социалистического Труда (1971), народный артист СССР (1954), лауреат Ленинской (1984) и Сталинской премии (1946) – **Сергей Владимирович Образцов**. Позже С. В. Образцов жил на **Бахметьевской ул., 12, на Бол. Дмитровке, 4/2**, и, наконец, с 1938 по 1992 г. – на **ул. Немировича-Данченко, 5/7**.

Остается добавить, что в этом же доме в 1930-е гг. располагалась и редакция журнала «За промышленные кадры», в которой с 1931 по 1936 г. работал поэт, прозаик и будущий мемуарист В. Т. Шаламов.

40. Басманная Нов. ул., 27 (н. с.), – особняк адмирала графа Н. С. Мордвинова. **Ж.** – с 1810 по 1812 г. – поэт, прозаик и историк, редактор «Московского журнала» (1791–1792) и «Вестника Европы» (1802–1803), издатель альманахов «Аглая» (1793–1794) и «Аониды» (1796–1799) – **Николай Михайлович Карамзин**, а также поэт, критик, будущий академик и цензор, мемуарист **Петр Андреевич Вяземский**. Это один из десяти московских адресов Карамзина (см. *Приложение № 2*) и один из семи адресов Вяземского.

Е.А. Денисьева «О, как убийственно мы любим...»

Позднее, в 1819 г., на месте сгоревшего здания был выстроен нынешний деревянный дом (с.). В нем с 1820-х гг. жила мещанка по происхождению, ставшая гражданской женой графа А. К. Разумовского, – **Мария Михайловна Соболевская** и их внебрачные дети, получившие фамилию **Перовские** (как утверждают, по названию имени А. К.

Разумовского – Перово): **Василий Алексеевич** (будущий оренбургский генерал-губернатор), **Лев Алексеевич** (будущий министр внутренних дел, отец народоволки С. Л. Перовской), **Алексей Алексеевич** (будущий писатель Антоний Погорельский), Анна Алексеевна (мать писателя и драматурга А. К. Толстого) и др.

В конце 1820-х гг. Соболевская вышла замуж за генерала **Петра Васильевича Денисьева**, у которого в 1850-х гг. останавливалась **Елена Александровна Денисьева** – родственница генерала, возлюбленная Федора Тютчева, адресат его многочисленных стихов и мать внебрачных детей поэта.

Елена Денисьева могла бы стать фрейлиной при дворе, все шло к этому, если бы не знакомство и вспыхнувшая любовь к дважды женатому уже Тютчеву (ей было во время знакомства с поэтом 20 лет, ему 42). Вот тогда и свет, и общество отвернулись от нее. С ней, которая вся была «соткана из противоречий», готовая на «попрание всех условий», все началось у Тютчева с легкого флирта, но две стихии, два незаконных сердца столкнутся так, что искры из глаз!..

Биограф поэта К. Пигарев (кстати, правнук его) позже напишет, что Тютчев в любви всегда был «мучительно раздвоен». Он умел, как пишут, «испытывать подлинную любовь одновременно к двум женщинам» – к любимой жене и к... Денисьевой, связь с которой длилась больше десяти лет, которая родила ему троих детей и которую Тютчев переживет на девять лет. «Пускай скудеет в жилах кровь, – писал ей в

знаменитых стихах, – Но в сердце не скудеет нежность... О ты, последняя любовь! Ты и блаженство, и безнадежность».

Через 15 лет после знакомства с ней поэт напишет про нее: «Как душу всю свою она вдохнула, // Как всю себя перелила в меня...» Сын поэта, Федор, позднее утверждал, что, полюбив Денисьеву, отец принес в жертву свое «весьма в то время блестящее положение. Он почти порывает с семьей, – пишет Ф. Ф. Тютчев, – не обращает внимания на выражаемые ему двором неудовольствия, смело бравирует общественным мнением», то есть, другими словами, – крушит безжалостно свою собственную карьеру.

А она, она в 1862 г. и здесь, в Москве, решительно скажет своему родственнику, мужу своей сводной сестры А. Г. Георгиевскому, у которого часто останавливалась (**Бол. Дмитровка, 34/10**): «Мне нечего скрывать и нет необходимости ни от кого прятаться: я более всего ему жена, чем бывшие его жены, и никто в мире никогда его так не любил и не ценил, как я его люблю и ценю, никогда никто его так не понимал, как я его понимаю, – всякий звук, всякую интонацию его голоса, всякую его мину и складку на его лице... Ведь в этом и состоит брак... чтобы так любить друг друга...» Она уже звала его молитвенно «Боженькой», а в 1864-м, незадолго до смерти от туберкулеза, сказала о поэте в одном из писем: «Это мой Людовик XIV Неразвлекаемый...» И бешено ревновала, из-за чего они часто ссорились.

Тот же родственник Денисьевой вспоминал, что когда

Елена захотела и третьего ребенка от поэта записать «Тютчевым», он воспротивился. И вот тогда она, его добрейшая Леля, «пришла в такое неистовство, что схватила с письменного стола первую попавшуюся ей под руку бронзовую собаку на малахите и изо всей мочи бросила ее в Федора Ивановича, но, по счастью, не попала в него, а в угол печки и отбила в ней большой кусок изразца...». Пишет, что поэт потом «очень уважительно» показывал ему выбоину в печи: «Так любить!...»

4 августа 1864 г. Денисьева умерт на руках у Тютчева. Последними ее словами были: «Верую, Господи, и исповедаю». Тогда Тютчев и напишет Георгиевскому: «Не живется, мой друг... не живется... Гноится рана, не заживает... Только при ней и для нее я был личностью, только в ее любви... я признавал себя... Теперь я что-то бессмысленно живущее, какое-то живое, мучительное ничтожество...»

Вот после этих слов мы и вправе считать этот дом истинным памятником истинной любви. Той, которую Тютчев в стихах назвал, представьте, «убийственной».

41. Басманная Нов. ул., 29, стр. 3 (с. п.), – Ж. – в 1790–1810-е гг. – поэт, прозаик, переводчик, сенатор, князь **Николай Никитич Трубецкой**, его жена – поэтесса и драматург **Варвара Александровна Трубецкая** (урожд. кн. Черкасская) и (с середины 1790-х гг.) – сводный брат Трубецкого (по матери) – поэт, прозаик, драматург, издатель

первого московского журнала «Полезное увеселение», член Российской академии наук, ректор Московского университета **Михаил Матвеевич Херасков**. В его доме одно время жил также в 1790-е гг. поэт и переводчик **Ермил Иванович Костров**.

В 1790–1800-е гг. дом Трубецких был центром светской и художественной жизни (балы, спектакли, маскарады). Здесь бывали поэт И. И. Дмитриев, драматург Д. И. Фонвизин, журналист Н. И. Новиков (он в этом доме познакомился со своей будущей женой, племянницей хозяина дома – А. Е. Римской-Корсаковой), кн. Е. С. Урусова, Н. М. Карамзин, поэт И. М. Долгоруков и др.

«Портрет с эпитафией»

Старинная гравюра М. Хераскова

Последний писал: «Они любили жить роскошно и весело, во вкусе их были театр, бал-маскерад и все вообще увеселения... Тут мы игравали комедии, наряжались в хари на бал и всеми забавами молодости наслаждались...» Идиллию нарушал разве что Ермил Костров, поэт и переводчик, который скончается от белой горячки в 1796 г. А ведь, к слову, его помянет Пушкин в стихах 1814 г. «К другу стихотворцу»: «Костров на чердаке безвестно умирает, // Руками чуждыми могиле предан он...»

О жизни Кострова почти ничего не известно. Но Пыляев, москвовед, приведет слова поэта Дмитриева, бывавшего в этом доме и знавшего его: «Рядом с ним по улице ходить было совестно, он и трезвый шатался... На языке Кострова пить с воздержанием – значило так, чтобы держаться на ногах». Исследователь Н. Мичатек еще в 1903 г., занимаясь биографией поэта, написал: «Ему... хотелось учить поэзии с кафедры. Неудача в этом содействовала развитию в нем страсти к пьянству, под влиянием которой Костров так опустился, что под конец жизни не имел даже своего угла, а жил то в университете, то у разных знакомых...»

Позже, с 1819 г. (предположительно), в этом доме располагался частный пансион Леонтия Ивановича Чермака, в котором с 1834 по 1837 г. учились и жили братья **Федор Ми-**

хайлович Достоевский и Михаил Михайлович Достоевский, а позднее и младший брат их – Андрей Михайлович Достоевский.

Именно Андрей Достоевский вспоминал позднее своего учителя Чермака: «Наш старик был человек с душою. Он входил сам в мельчайшие подробности нужд вверенных ему детей... Отличных по успехам учеников, т. е. каждого получившего четыре балла (пятичная система баллов тогда еще не существовала), он очень серьезно зазывал к себе в кабинет и там вручал ему маленькую конфетку. Случалось иногда, что подобные награды давались и ученикам старших классов, потому что всякий знал, что Л. И. – старик добрый и что над ним смеяться грешно!» А литературу, кстати, братьям преподавал здесь прозаик, в прошлом соученик Н. В. Гоголя и – «идеальный учитель» (по словам Ф. М. Достоевского) – Н. И. Билевич.

Позднее Достоевский напишет о пансионе: «Бывая в Москве, мимо дома в Басманной всегда проезжаю с волнением...» Кроме братьев Достоевских в пансионе Чермака учились литераторы и мемуаристы В. М. Каченовский (сын проф. М. Т. Каченовского), А. Д. Шумахер и некоторые другие.

Наконец, в начале XX в. в этом доме располагалась Басманная полицейская часть, в которой до революции в разные годы содержались арестованные В. Г. Короленко, молодой В. В. Маяковский и поэт М. А. Волошин.

42. Басманная Стар. ул., 23 (с.), – Ж. – в 1810-х гг. – прозаик, переводчик, дипломат, академик, член «Беседы любителей русского слова» **Иван Матвеевич Муравьев-Апостол** (наст. фамилия Муравьев, Апостол – это фамилия матери И. М. Муравьева, т. е. он правнук запорожского гетмана Даниила Апостола) и его жена – сербка **Анна Семеновна Черноевич**. Здесь же жили три их сына, будущие декабристы. И одно время, в 1816 г., в семье Муравьевых-Апостолов жил поэт и родственник Муравьевых **Константин Николаевич Батюшков**.

Судьба сыновей Муравьевых окажется ужасной. После восстания 1825 г. младший, **Ипполит**, не желая сдаваться властям, застрелится, средний, **Сергей**, будет повешен в числе пяти казненных декабристов, а старший – **Матвей** – получит 15 лет каторги.

Вообще, жизнь Муравьева и его детей окутана легендами. Но одна, не очень известная – поражает. Когда еще восемнадцатилетний сын Муравьева Сергей вошел с русскими войсками в Париж в 1814 г., то, набравшись храбрости, посетил известную на всю Европу гадалку – мадемуазель Ленорман.

«Что же вы скажете мне, мадам?» – спросил он ясновидящую. Ленорман вздохнула: «Ничего, месье». Муравьев настаивал: «Хоть одну фразу!» И тогда гадалка сказала: «Хорошо. Скажу одну фразу: вас повесят!..» Муравьев опешил и, конечно, не поверил: «Вы ошибаетесь! Я – дворянин, а в России дворян не вешают!» – «Для вас император сделает исключение!» – грустно подвела итог Ленорман.

Этот «визит», как вспоминали, бурно обсуждался в офицерской среде, пока к гадалке не сходил Павел Иванович Пестель. Вернулся смеющимся: «Девушка выжила из ума, боясь русских, которые заняли ее родной Париж. Представляете, она предсказала мне веревку с переключателем!..»

Все сбылось у них буквально. И тот, и другой были повешены на кронверке Петропавловской крепости. Причем у троих, в том числе у Муравьева-Апостола, оборвалась веревка и они живыми упали в ров под виселицей. Но исключения для него (обычно сорвавшихся с петли миловали) не сделали и здесь – он был вздернут на эшафоте повторно.

Ныне, с 1986 г., в этом доме располагается «Музей декабристов».

43. Басманная Стар. ул., 28/2 (н. с.), – Ж. – до 1824 г., до своей кончины – старая дева **Анна Львовна Пушкина**, тетка А. С. Пушкина и сестра поэта В. Л. Пушкина.

По воспоминаниям людей «круга Пушкина», эта «девушка невинная» любила посудачить и совать нос в «чужие любовные дела». Вела знакомства с писателями, и здесь у нее не раз обедали поэты И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков и др. Бывали здесь и брат ее, поэт В. Л. Пушкин, и племянники – А. С. Пушкин и О. С. Пушкина. Скончавшись здесь, А. Л. Пушкина оставила в наследство 15 тысяч рублей сестре поэта О. С. Пушкиной.

А брат «девушки невинной», В. Л. Пушкин, написал и напечатал в «Полярной звезде» стихи на ее кончину: «Где ты, мой друг, моя родная, // В какой теперь живешь стране? // Блаженство райское вкушая, // Несешь ли мыслью ко мне? // Ты слышишь ли мои рыдания? // Ты знаешь ли, что в жизни сей // Мне без тебя нет ясных дней // И нет на счастье упования...»

Племянник усопшей, Александр Пушкин, находился в это время в ссылке, в Михайловском, и к смерти тетушки отнесся, как пишут, «вполне равнодушно». Брату написал: «Тетка умерла. Еду завтра в Святые Горы и велю отпеть молебен или панихиду, смотря по тому, что дешевле...» А через год, совместно с Дельвигом, сочинил в деревне озорную «Элегию на смерть Анны Львовны»: «Ох, тетенька, ох, Анна Львовна, // Василья Львовича сестра! // Была ты к маменьке любовна, // Была ты к папеньке добра... // Увы, зачем Василий Львович // Твой гроб стихами обмочил, // Или зачем подлец попович // Его Красовский пропустил?»

Пушкин послал эту элегию Петру Вяземскому, и тот его предупредил: «Если она попадется на глаза Василию Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара...» Так, вообразите, и случится. Дядя поэта узнал об этом стихотворении, и когда кто-то в очередной раз поздравил его с растущей славой его племянника (т. е. А. С. Пушкина. – *В. Н.*), Василий Львович возмущенно отвернулся: «Есть с чем! Он негодяй!»

Позднее, утверждают, домом этим владел некоторое время брат покойной – поэт, прозаик, «парнасский отец» племянника – Василий Львович Пушкин. И это при том, что почти по соседству, в доме № 36, он же снимал и квартиру (см. след. запись).

44. Басманная Стар. ул., 36 (с. п., мем. доска), – с 1819 г. – дом **Пелагеи Васильевны Кетчер**, матери переводчика, врача **Николая Христофоровича Кетчера**. Здание изначально предназначалось для сдачи внаем.

Ж. – с 1822 по 1830 г. (снимал квартиру) – поэт, прозаик **Василий Львович Пушкин**, дядя А. С. Пушкина, у которого в 1826 г. останавливался **Александр Сергеевич Пушкин. Б.** – И. И. Дмитриев, Н. М. Карамзин, Д. В. Давыдов, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, А. А. Дельвиг, Е. А. Боратынский, К. Н. Батюшков, Д. В. Веневитинов, П. И. Шаликов, С. А. Соболевский, А. Я. Булгаков, И. И. Пущин, а также Адам Мицкевич и др.

Ныне, с 2013 г. – филиал музея А. С. Пушкина – дом-музей В. Л. Пушкина.

45. Басманный 1-й пер., 12 (с.), – Ж. – в 1924–1925 гг. – прозаик, журналистка **Лидия Николаевна Сейфуллина** и ее муж – писатель, критик, зав. отделом журнала «Красная новь» – **Валериан Павлович Правдухин**. Позже именно этот дом Сейфуллина назовет «ночной чайной», в которой вечно был «шум, гам, споры». Здесь бывали И. Э. Бабель, О. Д. Форш, А. К. Воронский, Л. М. Рейснер, К. И. Чуковский, А. А. Фадеев, М. М. Пришвин, В. Б. Шкловский, именитые «партийцы», с которыми дружила Лидия Сейфуллина, – К. Б. Радек, М. М. Лашевич, Е. А. Преображенский, Ем. Ярославский и многие другие.

Мало кто помнит ныне, что отец Лидии, священник, тоже писал и даже публиковал прозу (например, повесть «Из мрака к свету») и что сама Сейфуллина начинала жизнь как актриса. Еще в 1921 г., будучи молоденькой учительницей, играла в Народном доме в Челябинске в спектакле «Мальчик-с-пальчик». Играла как раз Мальчика-с-пальчика». Но писать начала с семи лет и ко времени, когда поселилась здесь, ей уже были написаны и «Виринея» (1924), и роман «Перегной» (1923).

У нее, как вспоминали знавшие Лидию, был чудесный смех и какая-то своя манера курить. «Она гораздо лучше своих книг, – писал о ней в 1926 г. Корней Чуковский. – У

нее задушевные интонации, голос рассудительный и умный. Не ломается... Вечно готова выцарапать глаза за какую-то правду...» И именно здесь начнут выходить уже полные собрания сочинений «Мальчика-с-пальчика» (в 1925-м в 3 томах, в 1926–1927-м – в 5, а в 1929–30-х гг. – и в 6 томах).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.